

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ДАРИО ТОНАНИ

ЛЕГЕНДА
О ВЕЛИКОЙ ВОЛНЕ

Звезды научной фантастики

Дарио Тонани

Легенда о Великой волне

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4Ита)

Тонани Д.

Легенда о Великой волне / Д. Тонани — «Издательство АСТ»,
2018 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-127161-9

Мир9 – смертоносная планета, покрытая ядовитыми песками. Чтобы выжить здесь, люди совершенствовали свое искусство механики, превратив все вокруг в царство машин и ржавчины. Здесь пустыни бороздят огромные корабли, разумные и хищные, а жуткая болезнь превращает человеческую плоть в металл. В этом мире живет Найла, капитан старого китобойного судна по имени Сиракк, теперь ставшего грузовым. Найла идет по следам горбатых китов, обитающих в песках, она ищет Великую волну, невероятное физическое явление, которое никто из людей пока не видел, а кто видел, уже ничего не расскажет. Для кого-то это всего лишь предание. Для кого-то суеверие. Для кого-то настоящая опасность. Для Найлы – единственная цель в жизни, возможность вернуть на Мир9 покой и дать ему будущее, ведь существует легенда, что Великой волной можно управлять.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-17-127161-9

© Тонани Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
1	13
2	30
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарио Тонани

Легенда о Великой волне

*Джузи, каждое приключение начинается с шага.
Ты – этот шаг и улыбка, которая его сопровождает...*

Naila di Mondo9, Copyright © 2018 Dario Tonani

© Марина Яшина, перевод, 2022

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

*И Великая волна пронесется как комета.
Которая вращается по песчаной орбите.
Древняя молитва кочевников*

Дюны. До самого горизонта. Шафрановый океан. Воздух дрожит от зноя, обманывая и глаза, и оптику.

Найла опустила подзорную трубу и поднесла рацию к губам.

«Горбат...» – хотела было крикнуть она, но слова замерли на языке. Перед глазами вдруг пронеслись ослепительно-яркие картинки, мучившие ее по ночам: песчаная гора, которая все растет и растет на горизонте – высоко, до самого неба, а потом сметает ее семью, ее саму, ее корабль...

Найла снова увидела, как в детстве она бежит босиком за самодельным суденышком – хлипкой штуковиной из железа и картона, закрепленной на колесах от старой телеги. Понадобилась целая вечность, чтобы соорудить такой корабль, приделать трубы и раскрасить гальюнную фигуру. А теперь они играли: мальчишки толкали драндулет, а Найла во весь дух неслась следом и подгоняла их: «Быстрее, быстрее... Иначе кит нас догонит!»

Вверх-вниз по дюнам. В облаке пыли. Со скрипящим на зубах песком.

Тому кораблю они дали имя Смелая...

Найла попыталась отогнать призраков прошлого. Прищурилась: этот черный силуэт под песком в сотне метров от киля – наверняка горбатый кит, но даже такая угроза – ерунда по сравнению с ее кошмарами.

Может, лучше не менять курс, а продолжать идти прямо?

Измученные матросы совсем приуныли. И Сиракк, когда-то китобойное, а теперь – грузовое судно, перевозящее железную древесину, за эти недели плавания без передышки совершенно выдохлось и тащится с черепашьей скоростью.

– Горбатый кит на одиннадцать часов, – крикнула Найла в рацию. – На нос, к гарпунам, живо!

Сарган посмотрел на нее с одобрением.

– На ужин поедим рыбки, – заметила она. А потом повернулась к своему офицеру. – Охота за китом поможет отвлечь экипаж – сейчас это очень кстати. Да и то, что в песке под нами, может быть как-то связано с нашим делом. Если после стольких дней шторма и мелководья мы сможем наполнить трюмы свежей рыбой, то хотя бы немного компенсируем отставание от графика.

Найла чуть-чуть повернула штурвал вправо и бросилась в погоню.

Сиракк резко ускорился, заревел и, сотрясаясь всем существом, набрал полный ход. Но обойти кита и занять удобное положение на более ровной поверхности не успел, поэтому позиция перед боем оказалась не самой выгодной.

Надо же, почти неделю бескрайнюю гладь пустыни не нарушало ничего; куда ни кинешь взгляд – везде только дюны, дюны, дюны. Ни островка тени, ни какого-нибудь ориентира. Ни кустика, ни валуна, ни следов от колес. А теперь...

Переборки вибрировали, а раскаленный металл палуб гудел под сапогами гарпунщиков, спешивших к своим орудиям.

Вдруг кит выпрыгнул из песка перед самым носом корабля. Потом нырнул обратно и вновь скрылся из виду. Спина иссиня-черная, хвостовой плавник – метра четыре в длину, не меньше, сама туша – размером с дюну. Весом примерно с треть Сиракка. Перепуганная, мед-

лительная рыбина дернулась было направо, пытаясь перерезать кораблю путь. Но вдруг передумала, снова вынырнула и обрушила хвост на гребень дюны – в воздух поднялось огромное облако песка.

Возбужденная погоней Найла схватилась за штурвал: корабль сбавил ход. Казалось, его окутало саваном из песка – плотным, будто свернувшееся молоко. В ватной тишине Найла слышала, как в металле, словно военный барабан, стучит сердце Сиракка.

Скорость еще немного снизилась. «Молодец, мой хороший, ты все делаешь правильно!» Управлять судном – почти то же самое, как управлять конем. Нужно лишь хорошо его чувствовать и точно знать, когда стоит придержать, а когда – пришпорить.

Туман из песка такой густой, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно.

Откашливаясь, Найла нащупала и немного повернула штурвал. Сиракк сбавил ход и благодаря этому маневру подошел еще ближе к добыче, но выбраться из песчаного облака не удалось. Может, кит не нырнул обратно, а продолжает бить по дюне хвостом, чтобы ослепить преследователей? Значит, они идут по его следу.

– Приготовить гарпуны! – крикнула Найла в рацию. И снова закашлялась. – Азура на капитанский мостик. Живо!

Сарган молча отправился выполнять приказы.

И через несколько минут вернулся вместе с Азуром.

– Пусть механокардионик встанет рядом со мной! – бросила Найла, не поворачивая головы. – К штурвалу, жестяной человек!

Не сказав ни слова, Азур подошел к Найле и забрал у нее штурвал.

Девушка сделала шаг назад и остановилась, широко расставив ноги.

– Говори, что чувствуешь.

Прежде чем ответить, механокардионик провел кончиками пальцев по штурвалу:

– Горбатый кит все еще под кораблем. Мы держим его на поводке.

Потом снова взялся за штурвал обеими руками:

– Сиракк вцепился ему в сердце.

– Прикажу гарпунщикам готовиться.

– Открывать огонь только по моей команде!

Найла скривила губы: она не любила, когда на капитанском мостике кто-то смел ей перечить. Тем не менее по рации запретила открывать огонь без специального приказа.

– Кит уходит все глубже в песок, я чувствую, – пробурчал себе под нос Азур. – Он снова попытается атаковать. Выжидает только нужного момента.

Солнечные блики, вспышка молнии в облаке песка. Они успели заметить лишь хвостовой плавник, взмывший в небо меньше чем в десяти метрах от носа корабля.

– Мы у него на хвосте! – завопила Найла. И едва не отдала приказ открывать огонь. Но сдержалась.

Азур склонил голову:

– Еще один вдох, еще один...

– Огонь! – не выдержала Найла.

Раздался свист гарпунов.

Все вокруг опять заволкло пеленой песка.

Мертвый полумрак. Шелест песчинок по стеклам мостика. Звук такой зловещий – будто кто-то скребет когтями или предательски трещит под ногами тающий лед. Потом с верхней палубы раздалась возбужденные голоса гарпунщиков:

– Ты попал?

– По-моему, нет, а ты?

– Не-а, скотина успела нырнуть в песок.

– В следующий раз я ее точно достану, спорю на ящик муравьиной граппы!

– Что там за шум? – спросил Азур, не отрывая слепого взгляда от лобового стекла. – Прикажи команде, чтобы замолчали!

– Кит ушел в песок, – ответила Найла, переводя глаза на стеклогель боковых иллюминаторов. Его покрывал слой масла. Смотришь – и ничего не видишь, как механокардионик.

– Ты слишком рано дала приказ открывать огонь, – буркнул Азур, поворачиваясь к Найле. – Больше так не делай.

Не сразу подобрав слова, девушка уставилась на Азура:

– Что ты имеешь в виду... рулевой?

– Что мы о другом договаривались. – Механокардионик отвратительно щелкнул языком. – Но кит ранен. Теперь поплывет куда медленнее.

– В смысле?

– Два гарпуна. Попали в спину. Конец одного застрял в четырех пальцах от сердца.

Найла тряхнула головой:

– Тоже мне предсказатель...

– Я его чувствую! Теперь добыча точно на поводке. Ее с кораблем соединяет трос. Может, кит и нырнул в песок, но благодаря гарпуну я его ясно вижу.

– «Я его ясно вижу», – вполголоса передразнила механокардионика Найла. Способности Азура не переставали ее удивлять. В общем-то, она правильно сделала, что доверила ему штурвал.

– Что можешь сказать о ките, рулевой?

– Это старая самка, возможно, ее выгнали из стаи. Постой-ка... – Он прищурился, будто хотел зажать между веками комара. И разглядеть его получше.

– Что там?

– Кажется...

Вопль с палубы. А потом что-то с грохотом обрушилось на корпус и шлепнулось на песок.

Найла прислушалась, наклонив голову:

– Потом договоришь, рулевой-предсказатель!

В пелене песка ничего не было видно, но она много раз слышала подобные звуки во время рыбалки и не сомневалась: они означают, что гарпунщики попали в цель.

– Кит наш, механокардионик, – громко произнесла Найла. – Он у нас на крючке. Теперь попробует утащить гарпуны за собой, но не сможет!

В полусотне метров от правого борта две стальные веревки пожирали песок, как голодные змеи.

Скоро они натянутся как струна.

Найла оторвала взгляд от Азура. Пора похвалить гарпунщиков и попросить не расслабляться: охота только начинается. Хоть механокардионик и утверждает, что кит стар и ранен, сейчас их ждет самая сложная часть. Теперь ошибка любого, даже последнего юнги, может поставить под угрозу жизнь всех членов экипажа, в том числе и жизнь самого корабля.

Найла поднесла рацию к губам, но в горле стоял комок: все это уже когда-то было, в далеком детском кошмаре.

– Кит тащит два наших гарпуна, – наконец выдавила она. – Мы держим его на поводке – это слова офицера-механокардионика. Крюк гарпуна в четырех пальцах от сердца! – продолжила девушка, взяв себя в руки. – Мы высадимся на песок двумя командами и сделаем, что умеем. Если повезет, поужинаем мясом кита. Будьте начеку, парни! – сказав это, Найла посмотрела в лобовое стекло: облако песка потихоньку рассеивалось.

Рыбина была где-то под кораблем. Небо над дымовыми трубами снова расчистилось. Ни облачка – словно раскаленный противень.

Девушка снова уставилась на боковые иллюминаторы: на поверхности стеклогеля песчинки собирались в причудливые узоры.

Вдруг Сиракк трянуло – переборки на капитанском мостике завибрировали. Словно кто-то заскрежетал зубами. Почти сразу донесся лязг натягивающихся тросов.

Металл заскрипел, застонал, завизжал.

Сиракк на несколько градусов накренился на правый борт.

– Охота начинается, – заметил Азур, скривив губы в улыбке.

Спускаться на песок рядом с раненым китом опасно, но для моряков это было не в новинку, и дело свое они знали. Пятеро, шедшие впереди дугой, держали в руках длинные копья с двумя острыми крюками на конце; другие четверо, среди которых была Найла, несли луки с натянутыми тетивами.

Двигались моряки плотной группой, очень медленно и осторожно, прекрасно понимая: теперь они на открытом пространстве, а из оружия у них только инструменты для рыбной ловли. В случае чего не спасет даже прикрытие – шестеро гарпунщиков у орудий на палубах Сиракка.

Члены команды нервно переглядывались. Двое последних в шеренге по очереди шли спиной вперед, чтобы держать под контролем всю пустыню.

Тросы то натягивались, то ослабевали и замирали. Вместе с ними замирали и лежавшие на песке огромные деревянные крючья, которые должны были помешать киту уйти слишком глубоко в дюну.

Найла подняла руку, в которой держала лук, жестом приказала охотникам разделить на две группы и отойти подальше от тросов.

Моряки одной команды начали гуськом карабкаться на дюну, пригибаясь к земле и высоко поднимая ноги, которые даже в специальных сапогах уходили в песок до середины икры. Шедший впереди преодолел половину подъема, остановился и осмотрелся. Песок начал бурлить. Мужчина вбил копьё в землю, но ноги разошлись, и он потерял равновесие. Упал и покатился вниз, а его товарищи отчаянно пытались спастись от песчаной волны, сбегаящей по склону.

Но их усилия были тщетны. Дюна сбила с ног всех до единого и стащила вниз, жадно заглатывая в песчаную пасть.

Живая лавина поглотила крики, тела, копья и головы.

Найла с воплем бросилась к другой дюне. «Уходим!» – крикнула она.

Словно собираясь поставить подножку, на песке мелькнула полоска тени. Девушка инстинктивно перепрыгнула ее и понеслась еще быстрее. Один из крючьев просвистел совсем рядом с ее головой и рухнул на песок в десятке метров, расколовшись вдребезги.

Еще пара прыжков на полной скорости – и Найла перешла на шаг. Она даже не заметила осколков деревянного крюка. И не отрывала глаз от дюны под ногами.

Вся команда была рядом; Найла слышала дыхание матросов, тяжелое от быстрого бега и пережитого испуга. В ожидании приказов они подняли луки над головой.

Найла натянула куфия на нос и перекинула лук через плечо:

– Трое прикрывают сзади. Остальные – за мной.

И уверенно пошла по песку. Однако через пару метров пришлось остановиться: путь преграждала гигантская туша.

Эту гору старого мяса, покрытую гнилой черной шкурой, исторгла из себя дюна. По спине чудовища из огромной, чуть ли не двухметровой раны в боку текла вязкая кровь. Вокруг отвратительной розовой мякоти на шкуре виднелись ссадины поменьше, глубокие порезы, гнойники, язвы, лопнувшие волдыри и сероватые бубоны. Из разодранной туши струились ручейки песка, тут и там торчали кости, искореженные хрящи и какие-то темные железяки.

Острие гарпуна застряло в позвонке довольно странного амарантового цвета – наполовину костяном, наполовину медном. Встав на цыпочки, Найла попыталась его вытащить.

В предсмертной агонии рыба свернула набок гигантский хвостовой плавник. Он был изрядно потрепанным, с истерзанными краями, будто лезвие клинка, побывавшее в тысяче битв. Или кость, обглоданная гигантскими челюстями.

От поверженной гнилой плоти исходил чудовищный смрад.

Этого кита, казалось, прикончили не обычные гарпуны, а нечто куда более смертоносное. Найла пнула тушу сапогом. Мясо дряблое, намного дряхлее, чем она себе представляла. Старая кожа вся изранена, в морщинах и складках – невыносимое зрелище. От одной мысли о том, что такую дрянь можно съесть на ужин, Найлу чуть не вывернуло наизнанку, но перед экипажем она, конечно, виду не подала.

Можно было подумать, что еще до того, как гарпун нанес свой смертоносный удар, кита втянуло в водоворот и перемололо с чудовищной силой, превратив в кусок бесформенной массы и нанеся на кожу глубокие порезы, из которых теперь струился песок.

Нужно удостовериться, что рыба сдохла, а потом отправляться на поиски тех, кого дюна сожрала у всех на глазах. Может, кому-то удалось спастись? Найла увидела, как трое выбираются из песка и с трудом поднимаются на ноги. Спрашивать не пришлось – по их взглядам стало ясно, что больше живых найти не удастся.

Подойдя к киту сбоку, Найла наклонилась, зачерпнула ладонью песок, сыпавшийся из туши, и пропустила его сквозь пальцы. Песчинки были влажными и еще теплыми.

Опустив куфию, она понюхала руку.

Волна. Может быть, всего в полумиле от них. Маленькая, очень быстрая. И достаточно сильная, чтобы искромсать вот так старого кита, случайно оказавшегося на пути.

Судя по всему, волна перевернула на спину это дряхлое, брошенное стаей животное и протащило в глубине песка метров сто.

Найла окинула взглядом дюны: до самого горизонта снова простиралась гладь – значит, волна прошла тут не меньше чем неделю назад. А может, даже больше.

Вытерев руку о штаны, девушка уставилась на лишенный века, водянистый глаз существа. Диаметр почти пять пальцев, жирная прозрачная мякоть, внутри которой играли радужные блики, убегая в черный как смоль зрачок. Многие капитаны считали глаз кита лакомством и ели сырым, шумно высасывая маслянистую жижу. Найла же использовала его как средство от бородавок и основу для смягчающих компрессов. Кожа вокруг глаза загубела; хорошо еще, что после яростного удара волны он остался цел.

Найла наклонилась совсем близко, взгляделась в огромный зрачок...

И тут же отшатнулась. Сглотнула.

В его глубине что-то шевелилось – она могла в этом поклясться!

Задыхаясь от страха, девушка вытащила нож, но чья-то рука сжала ее запястье:

– Нет! Кит еще жив!

Найла повернулась и в упор уставилась на жестяного человека. Слепой, слепой, а как ему удается постоянно оказываться в нужном месте в нужное время?

– Что ты тут делаешь, предсказатель наш?

– Это я должен у тебя спросить. В твоём-то положении нужно быть осмотрительнее, капитан, и не охотиться самой на дюнах.

– Поучить меня решил? – резко бросила Найла. Но самой себе была вынуждена признаться: Азур появился очень вовремя.

– Нет, просто хочу, чтобы ты кое-что увидела. – Одной рукой механокардионик крепко держал веревку от гарпуна, воткнутого в четырех пальцах от сердца кита. – То, о чем я не успел рассказать раньше...

Найла сунула нож в ножны и скрестила руки на груди.

– Знаешь, что увидело животное, прежде чем его снесла волна? Можно сказать, всю свою жизнь. Даже то, что случилось десять лет назад и раньше. Говорят, за секунду до смерти вся

жизнь пронесется перед глазами и воспоминания всплывают на поверхность памяти. Как дохлые рыбины брюхом кверху.

Подойдя к крыльцу и задрав голову, Элиа шурясь смотрит на раскаленную сковородку неба.

Их корабль из железа и картона привязан веревкой к большому камню, который служит и якорем, и битенгом. Вчера они играли с суденышком весь день, и теперь оно выглядит потрепанным и покосившимся, будто пережило жуткую грозу. Элиа самый маленький из всех ребят, поэтому и удостоился чести забраться на корабль, пока мальчишки покоренастее толкали тот изо всех сил, выполняя роль двигателей. Найла, изображая капитана, придумывала невероятные истории о том, как их корабль чудом спасался от преследователей или кораблекрушений, и вопила во всю мочь. Эта девчонка ни за что не дала ему покомандовать. Просто отвесила подзатыльник, и все. И хотя Элиа в долгу не остался, ему пришлось смириться.

Мальчик встает на ноги и пытается выпрямить покосившуюся дымовую трубу.

Какой-то странный запах. Элиа принюхивается.

Между колес валяется трупик песчаного воробья – горстка косточек и перьев. Элиа наклоняется, берет его двумя пальцами за крыло и бросает далеко-далеко. Будто бы ждет, что птица снова взлетит.

Потом пытается идти, но его покачивает. Да, ходит он пока куда медленнее, чем ползает. Поэтому мальчик снова встает на четвереньки и ползет подальше от корабля и груды раскаленных обломков, служащих ему домом. Здесь, на единственном платочке тени на полторы тысячи морских миль вокруг, на пути миграции больших стай китов, которые плывут на север во время брачного сезона, Элиа живет со своей семьей – старшей сестрой Найлой и двумя младшими братьями.

Мальчишка добирается до вершины дюны, бьет по ней кулачками и выпрямляется на тощих ногах. Беззащитная кроха в выгоревших на солнце лохмотьях.

Ему снова кажется чудом то, что он может ходить. Нужно учиться как можно быстрее, стараться изо всех сил. Сегодня утром Найла проснулась затемно и ушла собирать ржавоедков с другими ребятами из деревни. Именно сестра учила его ходить, а еще она обещала, когда вернется, придумать новую игру. И новые приключения для Смелой. Они будут играть вместе, вдвоем!

На горизонте растет песчаная волна. Элиа смотрит на нее широко раскрытыми глазами.
– Мама! – зовет он.

Тревожная тишина. Песок завивается вокруг ног.

– Найла-а-а?

Волна все выше и ближе, ползет по верхушкам дюн, будто сотканная из ветра и дыма. А внизу отсвечивает чем-то странным, металлическим.

– Найла-а! Найла-а-а-а!

Что-то попадает Элиа в глаза. Он трет их, текут слезы.

Отступает назад, чтобы не упасть.

Волосы развеваются на ветру. Песок набрасывается на него. Заставляет кашлять.

Мальчик снова кричит, но в ответ испуганная пустыня лишь покрывается янтарем. Волна уже поглотила половину неба – такую громадину он не видел никогда в жизни.

Элиа поворачивается и взглядом ищет картонное суденышко у подножия дюны. На нем, с Найлой у руля, ему бы не было страшно. Вдвоем они смогли бы убежать...

Волна идет быстро – быстрее, чем корабль на полном ходу.

Гора ярости, твердая как камень.

Мрак!

– Найл...

Найла сбросила пальцы Азура, вцепившиеся ей в запястье, и, не помня себя от гнева, воткнула нож в паршивое мясо. Тот ребенок. Она бы узнала его из миллиона. Элиа. Ее любимый малыш-рулевой. Погребенный заживо. Вместе с деревней. На какой-то миг Найлу захлестнуло чувство вины. Ее не было тогда рядом, она собирала проклятых ржавоедов. А маленький перепуганный Элиа звал сестру изо всех сил.

Неужели кит, которого они только что убили, тридцать лет назад выжил в волне и сохранил те воспоминания? Да еще и сознательно, из тысячи других, выбрал именно их, чтобы показать ей перед смертью?

Как ни копайся в прошлом, изменить уже ничего нельзя. Сейчас надо поискать погибших членов команды. И подумать о будущем – о ребенке, которого она уже восемь месяцев носит в утробе. Уверенными движениями Найла принялась вырезать глаз по кругу и забрызгала все предплечье темной кровью. Потом остановилась и подняла голову:

– Ты знал, да?

– Знал, о чем?

– О моей семье... Почему ты хотел, чтобы я увидела именно это?

Азур отпустил веревку и попытался вырвать нож у нее из рук.

Оттолкнув его, Найла вернулась к работе.

Наконец глаз шлепнулся ей в руку. Он весил как сырое яйцо ромбокрыла, но, вырванный из глазницы, превратился в полупрозрачную однородную жижу. Стал похож на мертвого моллюска.

– Больше ничего нет. – Найла попыталась сдержать слезы. – Ничего – ни Элиа, ни других воспоминаний... – Девушка опустила глаза и протянула глаз механокардионику. – Хочешь?

Она знала, что Азур чувствует, как пусто у нее на душе. Обнять бы его. Но в этом нет никакого смысла.

Механокардионик покачал головой и пошел прочь.

– И ты оставишь меня одну?

– У тебя свои призраки. Я буду лишним.

Найла выронила жижу, которая раньше была глазом и памятью горбатого кита.

– И я должна бороться с ними в одиночку, да?

Азур ничего не ответил.

Часть первая Мехаратт

1

Это девочка!

Невыносимая боль. Пронзает до костей. Найла отняла пальцы от груди, расправила тунику и засунула кулаки в подмышки. Бугорок все там же, на три пальца ниже левого соска. Теперь немного ближе к центру, чем раньше.

Девушка окинула взглядом пустыню. Почему даже Болезнь протекает у нее не так, как у всех? Почему металл растет внутри, а не покрывает кожу сантиметр за сантиметром, как у остальных?

Найла успела хорошо изучить этот бугорок – маленький, не больше вишневой косточки. Даже дала ему имя: Кое-кто. Не раз он снился ей, очаровывая безупречностью форм: настоящий кораблик – совсем крошечный, тончайшей работы, с парусами, которые надуваются при ударах ее сердца. Невидимая простому глазу драгоценность из чистого золота, созданная безымянным мастером-безумцем.

Мачты, палубы, паруса, обшивка корпуса, гальюнная фигура... – все такое миниатюрное – на кончике ногтя уместится.

Найла время от времени прощупывала грудь и выяснила – если горошину не трогать руками, она могла свободно двигаться в теле, не причиняя боли.

«Бессимптомно», – коротко заключил отравитель, бывший на борту; лишь три раза Найла позволила ему осмотреть себя, чтобы проверить, все ли в порядке с созданием, которое она носит в утробе.

Девушка улыбнулась, думая о двух удивительных дарах, преподнесенных ей судьбой: первый – плоть от плоти – совсем скоро выберется на свет, а второй – чужеродный и злокачественный – останется плавать около самого сердца. Найла не сомневалась: однажды этот корабль укажет ей дорогу – и она найдет и укротит Великую волну и вернет покой в Мир9...

Но все это в будущем. А сейчас...

До каньонов два дня пути, а то и меньше. Когда они окажутся там, уже не будет времени ни раздумывать над маневрированием, ни срочно что-то доделывать, ни молиться.

А потом – Мехаратт, «Помойка», – огромный мегаполис в пустыне: невероятное смешение рас и наречий, раскаленный солнцем металл, плавающие острова, лабиринт из гнилых рельсов, забитые товарами пристани и причалы – и на всем – раковая короста ржавчины. Последний бастион цивилизации, край света, откуда Найла вновь отправится в погоню за Великой волной.

Сказкой. Легендой. Мифом.

По дороге на капитанский мостик она завязала волосы в хвост, чтобы они напоминали волну.

Великую волну, ставшую для Найлы навязчивой идеей.

– Ну и?

Сарган оперся на перила, высунул руку с сигаретой за борт, выпустил изо рта кольцо дыма. Внимательно посмотрел на стены из розоватых камней, которые медленно проплывали вдоль левого борта.

– Женщина! – ответил он после долгой паузы. – Как и ее капитан.

Найла шумно вздохнула.

– Ты уверен?

Сарган кивнул.

– Мой корабль... женщина! – Стараясь осознать услышанное, Найла уставилась на стены каньона.

В брачный сезон корабли теряют спокойствие и добродушие. В это время лучше держаться на открытом пространстве, плавать по дюнам или бескрайним прериям на востоке, где даже неожиданные маневры вдруг взбрыкнувшего судна не будут столь опасны. И возбужденных самцов можно разглядеть издалека.

– Ты уверен, да?

Сарган взял сигарету в зубы. Видимо, хочет показать на пальцах, – решила Найла.

– У Сиракк образовалась «щель», – объяснил старый моряк. – Там, под ютом, в общем, вход в... вагину. Я, конечно, не врач, но эту штуку узнает любой мужчина!

«Не сомневаюсь», – пронеслось в голове у Найлы. Ладно, обсуждение закрыто. Не собирается она говорить о таких вещах с мужчиной, который почти вдвое старше ее, хоть и...

– Все ясно, можешь не продолжать. И постарайся впредь говорить о моем корабле поуважительнее! – Найла вдруг вспомнила, что яиц, из которых в случае аварии вылупятся запчасти, у них на борту только полдюжины.

Из всего происходящего в Мире9 мало что может сравниться с сексом кораблей, непредсказуемым и смертельно опасным. Без жертв не обходится никогда – гибнут матросы, офицеры, Внутренние. Не говоря уже о повреждениях, из-за которых махинам требуется дорогостоящий ремонт, иначе они могут заглохнуть посреди пустыни или – еще хуже – в ущелье, где на них так легко напасть разбойникам и насильникам!

«Женщина», – говорит он...

– Я должна сама это увидеть! – заявила Найла, возвращаясь на капитанский мостик. Значит, она не просто единственная женщина-капитан во всем Мире9? Значит, и Сиракк – тоже женщина, а вместе они – нечто невиданное и невероятное в истории морского дела Мира9? Повод для гордости – и для опасения.

«Но сначала выберемся из этой кишки!» – подумала она. Сжала штурвал, прося Сиракк быть послушной. Теперь, когда все прояснилось, Найла хотела взять управление в свои руки и увести корабль как можно дальше от бед.

Справа возвышалась каменная стена, метров двухсот пятидесяти в высоту, изуродованная трещинами, кроваво-красная при падавших почти вертикально лучах света. Как куски мяса, которые вялятся на солнце. Слева – такая же стена, только тень корабля добавляла краскам синевы.

Сиракк спускалась. Наклон пока небольшой – три-четыре градуса, но постепенно он будет увеличиваться. В воздухе витал горьковатый запах жженой резины, перегревающейся при торможении.

Корабль нервничал – тормозить он не любил. Найла чувствовала его страх через штурвал.

– Позови отравителя, – обратилась она к Саргану.

– Он-то тебе зачем?

Найла сделала вид, что не слышит. Слишком много мыслей крутилось у нее в голове.

– Прикажу ему забинтовать корабль, – наконец сдалась она. – Сиракк слишком нервничает, а склон будет все круче. Не хочу, чтобы он... она поранилась.

Металл содрогнулся и застонал.

– Чем?

Найла посмотрела на офицера:

– Камнями, чем еще?!

– Нет, я спрашиваю, чем бинтовать?

– Парусами. Их хватит, чтобы полностью закрыть корпус и не показывать, каким... какой стала Сиракк. По крайней мере, пока мы не выберемся из Ашавара.

– Ты боишься засады?

Найла пожала плечами.

Изнасилование – вот чего она боялась, но вслух спросила только:

– Так ведь уже случалось раньше, разве нет?

Сарган выбросил окурок за борт.

– Скорее всего.

Найла с удовольствием промочила бы горло, но хотела держать под контролем каменный коридор перед килем корабля. Вот она – Великая низменность Ашавара, и единственный путь туда идет через ущелье. Спуск продлится по крайней мере часов пять, а потом – свободный проход с торчащими кое-где скалами, миль на шестьдесят пять, не меньше. И все время немного в гору.

– Может, я преувеличиваю, но мне кажется, что Сиракк напугана тем, что с ней происходит. Да и дорога уж больно беспокойная. Вот я и хочу ее забинтовать, чтобы она лишний раз не волновалась.

Пахнет. Пряностями. Едой. Отбросами.

Ясир закрыл глаза, вдохнул приторный воздух и облизал губы. Когда он ел в последний раз?

Мальчик сидел на коленях, скрючившись под тележкой продавца цыплят. Вот то, что ему нужно, – совсем близко, всего в нескольких шагах.

Вокруг – десятки прилавков, облезлые вьючные животные, странные драндулеты со скрипящими при каждом повороте цепи колесами. Мостовая – словно шахматная доска, плод больного воображения, покрыта вонючими лужами и циновками, заваленными товаром. Повсюду мешки со специями, корзины со свежими фруктами (гранаты, световишня, персики, манго-цитрусы...), неприглядные на вид куски рыбы, облепленные мухами, склянки всех форм и размеров с огромными волосатыми пауками, розовыми жуками, сколопендрами и жирными голубыми скорпионами. В некоторых банках и сосудах побольше – прозрачные силуэты из дыма. Как мертвые облака.

Но Ясира интересовали вовсе не Внутренние и не насекомые, вкус которых был ему хорошо знаком.

Топот, вопли, брань. Мальчишки-посыльные перекрикиваются с разных сторон улицы. Лавочники дерут глотки, зазывая покупателей и отгоняя мух хлыстом.

Уличные торговцы. Продавцы жареного мяса. Шашлычники.

Тощие бродячие собаки, такие же недоверчивые, как Внутренние. Ничейные козы и курицы. Осторожные кошки.

Люди с голодными глазами и отметинами Болезни на коже. Механокардионики в поисках новых запчастей.

Старьевщики. Убийцы.

Клеptomаны, карманники, воришки. Одни крадут от отчаяния, другие просто без этого не могут.

А еще... жонглеры, фокусники, акробаты, маги, колдуны, прорицатели, заклинатели змей, пожиратели огня.

Ясир шмыгнул носом и отпрянул.

На него свирепо уставилась девочка: брови нахмурены, лицо окаймляет копна светлых волос.

«Какого черта тебе надо? Чокнутая! Убирайся!»

Не хватало еще, чтобы кто-то его заметил...

Ясир на мгновение приложил палец к губам, а потом шелкнул костяшками.

Девчонка отвернулась. Под тележку забежала любопытная курица, привлеченная этой странной жестикуляцией, потопталась вокруг Ясира и поковыляла дальше.

Ясир глубоко вздохнул. Нужно торопиться, если он хочет добыть себе ужин.

Мальчишка пулей вылетел из-под укрытия, схватил одну из самых больших конфет, хотел сунуть ее в джутовый мешок и вдруг распластался на земле, с ног до головы обсыпанный синей паприкой и витиеватыми проклятиями торговки.

Эта толстуха, выскочив как дьявол из-за соседнего прилавка, умудрилась схватить Ясира за руку, вцепилась в волосы и повалила на землю. Если она сейчас сядет на него сверху, то шансов выбраться не будет. Тогда он труп.

Ясир изогнулся, как мог, вырвался, вскочил, но тут же врезался в прилавок с фруктами. Обрушил тент на торговца, перепрыгнул через кучу рассыпавшихся лимонов. Увернулся от одноколесного велосипеда, перебежал на другую сторону улицы, со всей силы толкнул продавца яиц. Тот налетел на соседний прилавок, с которого посыпались мясные рулетики, пирожки, бараньи ножки и связки колбасы.

Вдруг на пути вырос лысый здоровяк и встал, широко расставив руки. Ясир сделал вид, что собирается оббежать его слева, потом справа, и, едва не врезавшись в живот амбала, проскользнул у него между ног.

Улепетывая, наступил на свернувшуюся клубком собаку, опрокинул башню из бутылок, с грохотом упавших и разбившихся, снес пирамиду из дынь, добежал до продавца эфирных масел и, задыхаясь, даже нашел в себе силы что-то прокричать.

За спиной остались смесь горячих ароматов, обжигающих точно пламя, и буйство красок, резких как пощечина.

Ясир приостановился и посмотрел назад. Раздавленная конфета прилипла к пальцам.

Из разбившихся сосудов на тротуар змейками вытекала жидкость.

Искра – и дорога загорелась...

В металле каждого корабля есть и мужские, и женские половые клетки. Только в брачный сезон – весной, на пару месяцев, – одни превалируют над другими настолько, что определяют морфологию судна и оно становится мужчиной или женщиной. Половой орган почти никогда не бывает один, обычно весь корпус усыпан пенисами или вагинами...

Найла опустила книгу и сняла очки.

Половой орган почти никогда не бывает один...

Она ущипнула себя за горбинку на носу.

Чтобы забинтовать Сиракк, придется долго убеждать отравителя, потом ждать, пока сильное седативное средство подействует, остановить двигатели, чтобы экипаж смог разобрататься с парусами, не напугав корабль. Но сначала надо выяснить, не повлияет ли лекарство на эффективность тормозов. Азур опасался, что с увеличением крутизны склона из-под колес полетят искры и парусина может загореться. Однако риск был минимален – и неизбежен в любом случае.

Найла в свободную минутку порылась в старых книгах и почитала кое-что о сексе кораблей.

– Азур! – позвала она. Встала с кресла и щедро плеснула в стакан муравьиной граппы.

Выпила залпом, сразу же налила еще один (какой по счету?..), почти до краев. Да, у Сиракк действительно есть вагина. Она видела ее своими глазами, и это Найлу... разочаровало.

– Азу-у-ур!

Механокардионик вошел в кабину, поскрипывая как подошва новеньких резиновых сапог.

Найла обернулась. Наконец-то возлюбленный ее услышал.

– Надо же! – бросила девушка. – Мне пришлось звать всего два раза!

Азур лишь склонил голову.

– Корабль не сообщил, что ты мне срочно нужен?

Механокардионик все еще не мог разговаривать без металлоязы, но Найла верила, что однажды это получится, и учила его человеческому языку.

Азур поискал поверхность, на которой можно было бы выстучать фразу на более привычном для него наречии.

– Сиракк почти забинтована. Она ничего не видит.

– А Сарган?

– Руководит завершающими операциями. Хочет отправить пару разведчиков вперед. Как только отравитель даст добро, он, наверное, встанет за штурвал.

– Скажи Саргану, чтобы отправил на песок дополнительный гребень. Я тоже хочу посмотреть.

Азур поднял бровь.

– В твоем положении, думаю, будет лучше не... – запнулся он. – Будет сделано.

– Договорились, а теперь подойди сюда.

Механокардионик приблизился к Найле и забрал у нее стакан.

– Прекрати пить. Тебе не кажется, что созданию уже хватит?

Девушка скорчила гримасу и покачала головой.

– С чего бы? Мы же стоим на месте. Да и я не за штурвалом. – Найла прислонилась к спинке кресла, чтобы не упасть. – И потом, «создание»... Не надо бы его так называть. Хотя я уже привыкла. Даже не знаю, мальчик это или девочка.

– У тебя язык заплетается.

– И что? Это мой... корабль, черт подери, и я могу говорить так, как хочу.

Азур помог Найле добраться до койки, легонько подтолкнул ее на матрас и встал на колени, чтобы снять с девушки сапоги.

Она не сопротивлялась, лишь залилась смехом. Пьяная вдрызг. Начала было говорить, но язык не слушался; девушка никак не могла перестать смеяться.

Азур положил ее ноги на кровать и сунул подушку под голову.

– Чертов жеребец – вот ты кто! Так и норовишь меня уложить!

– Не думаю, что сейчас подходящий момент.

Найла пихнула его рукой.

– Фигня! – И снова разразилась хохотом. Закрыла глаза и попыталась обнять механокардионика. – Хочешь? – пробормотала она, толкая его вниз. – Я – да. Или у Сиракк она красивее моей?

Азур застыл.

– Ну давай, чего ты?!. Моя намного теплее.

Механокардионик отодвинулся.

– Мне кажется, ты не...

– Это... ужа-а-асная штука, – вдруг выпалила она. – Ни один мужчина... – Скорчила гримасу отвращения и отвернула голову. – Скажи Саргану, что я буду готова полететь с разведчиками через... двадцать минут.

И мигом заснула.

Ущелье слишком узкое.

Темное и...

*Здесь невозможно пройти.
Она это знала. Видела.*

Найла металась по кровати вся в поту, пытаясь прогнать картины, встающие перед глазами. Может, не стоило столько пить. И так переживать, что ее корабль решил стать женщиной.

Вот она стоит на песке в самой низкой точке Великой низменности Ашавара, обнимая подушку. Одна. А впереди – то, что мешает пройти Сиракк...

Вдруг Найла проснулась. Это Сарган зашел без стука, чтобы ее позвать.

– Гребни готовы, Найла. – Он потряс девушку за плечо. – Как ты просила. Заодно и проветришься...

Ясир запрокинул голову: лезвие сверкало в считанных сантиметрах от шеи.

Он сглотнул, вытаращив глаза.

От нападавшего разило бхетом. У него были разноцветные зубы: одни белые как слоновая кость, другие совершенно лиловые.

– Не ори, а то убью!

Ясир медленно закрыл глаза и открыл их снова: «Понял я, понял».

Напавший взял мальчика пальцами за подбородок и повертел голову, чтобы проверить уши и рот.

– Зубы хорошие, оставлю тебя себе.

Ясир кивнул. Значит, этот парень – не похититель детей. По крайней мере, он не из тех, кто поставляет человеческую смазку военным кораблям.

Они стояли на одной из крыш, нависавших над рынком, в стороне от черного дыма, поднимавшегося с тротуара. Теперь кричали не только продавцы, но и спасатели, пытавшиеся потушить пожар.

– Ну и дурдом ты тут устроил, – сказал парень, пряча нож. – Как тебя зовут?

– Ясир.

– Есть хочешь?

Мальчишка кивнул и с усмешкой посмотрел на свои липкие от сахара руки – конфету он так и не попробовал.

– Ты не похититель детей? – спросил он незнакомца. – В смысле, ты не снабжаешь человеческим мясом какой-нибудь военный корабль?

Парень словно бы раздумывал над ответом.

– Не совсем, – сказал он наконец. – А ты кто такой, черт подери? Посыльный, подмастерье, воришка?

– Я – полировщик.

Незнакомец нервно расхохотался и принялся разглядывать Ясира, будто только что его увидел.

– По-ли-ров-щик, – повторил он, взвешивая каждый слог. – И что же ты полируешь, позволь узнать?

– Железо, латунь, медь, цинк, бронзу, чугун, свинец, олово... – Ясир старался произнести весомо каждое слово. – Я натираю их до блеска.

Парень сжал губы. Казалось, он разочарован.

– А ржавчину счищать умеешь?

– Это моя специальность, – с гордостью ответил Ясир.

– Посмотрим, на что ты способен, – отозвался незнакомец. Его правая щека была обезображена большой бляшкой из почерневшего металла, выглядевшей особенно уродливо, когда он смеялся. Глаза налиты кровью, а зрачки огромные как пуговицы.

– Меня зовут Мелакко. Я наркоман, сижу на бхете, поэтому мальчишка, способный соскребать ржавчину, очень мне пригодится.

Ясир хотел что-то сказать, но прикусил язык.

– Давай-давай, ты теперь тоже в деле. Можешь свободно говорить со своим боссом.

– Ты действительно сидишь на бхете? – Ясир не раз слышал истории об этом наркотики из ржавчины. Но никогда не встречал людей, которые бы его пробовали.

Мелакко искоса на него посмотрел.

– Тебя что-то не устраивает?

Ясир поспешно замотал головой.

– Вот и правильно, а то ты еще «да» не успеешь сказать, как я тебе все кишки выпущу.

Мелакко вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит внизу, на улице. Точно так же сделал и Ясир. Толпа расходилась, осталось только несколько торговцев, которые собирали упавший товар, стараясь спасти то небольшое, что уцелело в огне. Пламя почти потушили. Везде блестяли лужи.

– Значит, ты нигде не работаешь?

Мелакко резко обернулся.

– Бхет и есть моя работа. Он мой хозяин, слуга, собутыльник. Бхет говорит мне, что я должен сделать, и я повинуюсь.

– А при чем тут я?

Мелакко вытянул руку и ткнул пальцем в грудь Ясира.

– Ты мне нравишься, мальчик. Наглости тебе не занимать.

И ухмыльнулся.

– Полировщик, говоришь? Значит, будешь искать куски железа и соскабливать ржавчину так, чтобы мне хватило на дозу. А теперь пойдем ужинать.

Конечно, подумал Ясир, каждый имеет право заниматься тем, чем хочет. Но это было как-то чересчур. А он? Только что получил работу или стал заложником какого-то психопата?

– А что взамен? – набравшись храбрости, выдавил из себя Ясир.

Молчание. Глаза еще больше налились кровью, просверливают насквозь. Рука сама тянется к лезвию ножа.

– Теплая еда, мальчик. Койка на ночь. – Мелакко тряхнул головой и прищелкнул языком. Казалось, бляшка на щеке стала еще темнее. – Ты не в том положении, чтобы торговаться. Время от времени буду давать тебе бхет. Чтобы ты был знаком с нашим работодателем.

Ясир промолчал. Он не был уверен, что имеет право отвечать, и решил не спорить.

– Значит, по рукам? – спросил Мелакко.

– Хочу, чтобы ты кормил меня два раза в день. И давал мясо три раза в неделю.

– Два!

– Нет, три! И четыре яйца.

Повисла бесконечная леденящая кровь пауза – казалось, Мелакко сейчас передумает. И сбросит Ясира вниз, на дорогу. «В общем-то, я это заслужил», – подумал мальчик. О бхете он почти ничего не знал, кроме общеизвестных вещей: Гильдия отравителей использует его как стимулирующее средство, чтобы снять усталость кораблей во время особо длинных путешествий, или как возбуждающее средство перед битвой. Так-то оно так, но главное не в этом. А в том, что, подсев на бхет, ты над собой уже не властен и становишься совсем другим человеком.

Сумеет ли Ясир удержаться от того, чтобы не попробовать? Хватит ли ему силы воли? Нет. Точно нет! Нечего и думать.

– И будешь давать мне бхет каждый раз, когда я прошу!

Мелакко подтолкнул его в спину к лестнице, уходившей в темноту между слепыми окнами, мансардами и кучами разбитой черепицы.

Найла спрыгнула на песок, отряхнула штаны и погладила свой живот. Ей пришлось залезть метров на тридцать вверх с еще одним разведчиком, Тареефом по прозвищу Паук, который обычно чинил корабль в самых труднодоступных местах, совершая отчаянные акробатические трюки. Они хотели понять, свалится ли вниз огромная глыба, застрявшая между стенами, или нет. Вроде бы не должна, но уверенности не было.

В самой низкой части Ашавара кто-то словно соорудил дверь, водрузив камень между двумя косяками. Несъемный архитрав.

– По-моему, глыба застряла намертво, – наконец произнесла Найла. – Следы на скале свежие. Видимо, свалилась совсем недавно, пару дней назад.

Тарееф кивнул, но добавил:

– Проблема в другом... – Он снова глянул вверх. Гигантский камень закрывал почти половину неба. – Мы вряд ли пройдем под ним. Из-за наклона спуск будет трудно контролировать и...

– Хватит!

Почти черный от загара моряк замолчал, достал фляжку, отвинтил крышку, вытер горлышко рукавом и протянул Найле.

– Сиракк слишком... высокая. – Девушка сделала глоток, отошла на пару шагов и снова посмотрела на темную массу. Потом повернулась и вгляделась в узкий проход позади – каменную кишку, подъем, тянущийся целую милю и пылающий в лучах предзакатного солнца. Наверняка есть какой-то выход, нужно только хорошенько все обдумать. – А сколько метров высота корабля? – спросила Найла. В цифрах она не сильна. Хоть математика ей и нравилась, интуиции она всегда доверяла больше. А интуиция говорила: даже если они смогут благополучно спуститься, корабль не пройдет под сводом. Найла покачала головой. – По-моему, ничего не получится. – Она снова смочила губы (жаль, что во фляжке лишь теплая вода). – А может...

– Забудьте, это чистое безумие.

– Вы о чем? – вмешался другой разведчик, управлявший гребнем.

Найла пристально на него посмотрела и протянула флягу.

– Разве что мы снимем все колеса и волоком протащим ее под камнем.

Парень отвел глаза и усмехнулся.

– Ты смеешься над капитаном, а, Заид?

Разведчик оцепенел и глянул на Тареефа, но тот предпочел промолчать.

– Нет, я не хотел...

– Есть другие предложения? Или, по-твоему, лучше сломать трубы об этот камень?

– Капитан, при всем уважении... – Фраза повисла в воздухе.

– Уважение – в нем-то все дело, Заид! Как только вернемся на Сиракк, отдам приказ начинать работу. Ночка предстоит длинная.

– А это что еще за хрень?

Мелакко, не обращая внимания на вопрос Ясира, шел по мостику.

– Смотри башкой не стукнись.

Он пригнулся и исчез в темноте. Через несколько минут, не дождавшись мальчишки, высунул из люка руку и сделал знак поторапливаться.

Ясир последовал за ним, озираясь по сторонам. До самого горизонта тянулись дюны, черные как смола, и такие же горы...

Надо смотреть под ноги.

– Это корабль, да? Остов корабля?! Черт подери, ты живешь на острове?! – Мальчик успел пригнуть голову, чуть было не ударившись о кусок металла, который свешивался откуда-то сверху. Палуба накренилась на один борт, и поручней почти нигде не было. Ясир оглянулся,

чтобы рассмотреть панораму: если не боишься голову свернуть, можно прыгать с одной шины на другую, не ступая на песок. – Сколько их? – спросил он.

– Миллионы... Разве считаешь? – ответил Мелакко откуда-то из темноты. – Колеса, покрышки, ступицы, ошметки резины. Невелика ценность, зато все мое. Мое собственное море.

Внутри остова было темно – хоть глаз выколи. Того и гляди оступишься и провалишься куда-нибудь.

Сзади с огарком свечи подошел Мелакко, прикрывая рукой пламя от сквозняков.

– Надежное местечко. Идеально подходит для разведения ржавчины.

– Ты живешь тут один? – Ясир не знал, вежливо ли так спрашивать, но ему хотелось избежать сюрпризов, учитывая обстоятельства. Он внимательно смотрел, как хозяин зажигает четыре большие свечи и по комнате разливается синеватый свет. Потом Мелакко открыл рундук, вытащил оттуда кипу грязных тряпок и бросил их на ввинченный в пол столик.

– Солонину любишь? – спросил он, орудуя рыбным ножом.

У Ясира потекли слюнки. Он присел на некое подобие табуретки, взял три больших куска и долго молча жевал, рассматривая тени от пламени свечей, дрожавшие на стенах. Мясо пахло довольно сносно, хотя неплохо было бы запить его чем-нибудь. Мелакко вроде нормальный парень, даже хороший.

Правда, сам он есть не стал. И пить Ясиру не предложил.

Мальчик вытер рот рукой и сдержал отрыжку.

– А ты почему не ешь?

Мелакко смотрел на него в упор. Но казалось, не слышал вопроса, а витал где-то в своих мыслях.

– Не хочешь? – не унимался Ясир.

Мелакко даже не моргнул. В буквальном смысле. Выражение его лица не менялось, пока мальчик с жадностью ел мясо. Глаза смотрели в никуда. Пустые. Как у соляной статуи.

Ясир прикусил язык: он бы с радостью выпил глоток воды, но не смел открыть рот, боясь вывести Мелакко из транса. Посмотрел по сторонам, чтобы отвлечься. Одна свечка погасла, освещение комнаты изменилось, и сама она как будто перевернулась вниз головой.

Может, пройти? Пара шагов, и все встанет на свои места. Только ноги почему-то не слушались.

Ясир зажмурился.

Попробовал поднять руки со стола. Не вышло. Сердце бешено заколотилось в груди.

Ясир вздрогнул. Его затрясло.

Как же хочется пить.

И голова кружится.

Что с ним? Постарался рассмотреть сидевшего напротив, но не смог. Перед глазами все плыло.

И тут он увидел целую пустыню покрышек. Без конца и края. Сизую пададь, брошенную гнить на солнце; свалку, геометрический хаос, без всяких признаков человеческой жизни.

Тысячи, миллионы покрышек...

Горы!

Какая гадость во рту! Ясир сморщился. Гнилое железо с привкусом крови.

Ноги понесли мальчика наружу, он перебрался через фальшборт и спустился на чернеющее море. Резина покрышек иссохла, но они прогибались, и каждый шаг таил в себе опасность. Вверх по дюне пришлось карабкаться на четвереньках. Тяжело дыша, Ясир забрался на вершину маленькой горы, выпрямился, а потом спустился с другой стороны, перепрыгивая с шины на шину. Залез на огромную ступицу, торчащую на склоне как утес, который обмакнули

в темноту. Огляделся. Что он хотел здесь найти? Вскарabкался на большую, диаметром метров пять, шину, и пополз по пирамиде колес. Надо было осмотреть окрестности с высоты.

Потом он снова спустился, прыжками преодолел четыре ступицы и оказался перед входом в темный туннель: идеально круглый порог образовывала гигантская крышка, положенная поперек остальных. Впереди горбатая резиновая кишка из шин всевозможных размеров исчезала в горе, а затем появлялась снова, метров через десять.

Ясир сделал несколько шагов по устрашающему лабиринту. А вдруг здесь обитают чудовища? Поднял сероватый кусок кожи, понюхал, скривился и отшвырнул подальше. Что это такое? Да что угодно. Может, высохшая сброшенная кожа какого-нибудь монстра, живущего в туннеле.

Над вереницей глубоких и темных каньонов примерно на полтора километра тянулся горный хребет, один из склонов которого почти отвесно спускался к краю пропасти. Ясир вскарabкался на его верхушку и пошел по гребню, время от времени посматривая вниз. Отсюда вся свалка – как на ладони. Какая же огромная! Вдали можно разглядеть порты и несколько швартующихся судов. И еще пару кораблей на открытом песке, которые ждали своей очереди, чтобы войти в Мехаратт.

Хорошо были видны дома в центре города. Башни, купола, минареты, казармы механокардионического квартала... Не город – металлический риф, о который разбилась гигантская волна черного песка. Видимо, сюда, на окраину старого порта, теперь сваливают гнилые шины, а потом пескочерпалки по тридцать-сорок штук за раз перетаскивают их на кладбище обломков у подножия гор. А может, крышки просто сжигают и закапывают в песок.

Зачем он сюда пришел?

Сердце бешено заколотилось, грудь сдавило. У Ясира закружилась голова, он стал задыхаться. От вони старой резины жгло в горле. Жидкий свет заката отравлял все вокруг злоецими лиловыми бликами.

Ясир раскинул руки в стороны, схватился одной за огромную ось, торчащую из кучи колес, и сделал вокруг нее три четверти оборота. Потом попробовал еще и еще, отталкиваясь все сильнее и отрывая ноги от земли. Как птица!

Повторив раз пять, залился идиотским смехом.

После этого остановился, стараясь перевести дух. Присел на корточки, стал хватать ртом воздух. Потерпевший кораблекрушение в океане резины.

А потом вспомнил, зачем он сюда пришел. И пытаясь оторвать кусок металла от черной горы, ободрал все руки.

– Здесь нам точно не пройти!

Решение принято. Но экипажу пока рано о нем знать. Сначала нужно подвести корабль поближе к камню, застрявшему между стенами. Только тогда Найла отдаст приказ снимать колеса.

Спуск был сложным. Тормоза визжали все сильнее, но дело свое делали.

Нервничая, Найла переминалась с ноги на ногу на накренившейся палубе. Рядом с ней стоял отравитель. Худой – кожа да кости, молчаливый, а когда нужно, говоривший коротко и быстро. Час назад вместе со стражем песков Найла вернулась из разведки, и с тех пор Дхакритт не сказал ни слова, только стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел вперед через тонкую полосу лобового стекла, оставленную для обзора.

Сиракк забинтовали и дали лекарство. Капитанский мостик был погружен в полумрак – только маленькая свечка тускло освещала навигационную карту.

Как кусок мяса,двигающийся по пищеводу, они ползли между стенами каньона под визг тормозов со скоростью три с половиной узла.

Седативное средство ввели так, чтобы ни тормозная система, ни маневренность не нарушились. Иначе корабль, погруженный в сон, стал бы совершенно неуправляем.

Найла вытерла потный лоб тряпкой, брошенной на штурвал. Невыносимая жара и безумное напряжение. На мостике воняло гарью. Но больше всего девушку раздражало молчание отравителя. Раз шесть она уже надевала противошумные наушники и снова их снимала. Как же бесит ее этот тощий молчун! Больше ни за что на свете она не попросит его о помощи, уж лучше рожать совсем одной в темном трюме. Как бездомная шлюха.

Найла нетерпеливо фыркнула и заговорила первая.

– Что вы ей дали?

Дхакритт только мотнул головой.

– Бхет. Прямо в сердце.

Девушка раздраженно стащила наушники и прислушалась, вытянув шею сначала в одну, а потом в другую сторону. Хотела уловить малейший вздох металла.

Казалось, с каждым пройденным метром стены над кораблем угрожающе сужаются. Еще чуть уже, всего пара ладоней, и они не смогут даже отойти назад. Тем более при таком уклоне.

– Бхет, вы сказали? – Об этом наркотике из ржавчины Найла слышала немало – не только от любивших поболтать матросов, но больше всего – от других капитанов. Они говорили, что используют бхет часто, особенно в долгих путешествиях. Что, интересно, думает о наркотике отравитель? Он ведь и сам может его сделать при желании. – Полагаю, вы хорошо знаете, как действует бхет, раз используете его с таким мастерством, – сказала девушка, изображая безразличие. К членам Гильдии отравителей нужно было обращаться на «вы» даже в обычном разговоре, и это делало его просто невыносимым.

– Да, мастерство – это верный термин. – Казалось, комплимент отравителю польстил. – Паралич, мышечные спазмы. Отсутствие реакции на внешние стимулы. Жажда. Иногда неконтролируемые приступы эйфории.

– Эйфории? – Найла представила себе Сиракк, содрогавшуюся от безудержного наслаждения. – Поэтому и стоило ее забинтовать, не так ли?

– И поэтому тоже.

Найла бросила на него взгляд. Он явно что-то недоговаривает.

– А почему еще?

Дхакритт даже не попытался скрыть неприязнь. Повернулся и уставился на Найлу.

– На самом деле я управляю кораблем в большей степени, чем вы. – Здесь он хотел остановиться, но удержаться не смог. – У бхета свои особенности. Есть отправитель и есть получатель. Я тоже принял свою дозу. Дозу отправителя.

Найла спрятала усмешку.

– Поэтому вы будто воды в рот набрали? «Интересно, а смеяться вы умеете? Что угодно бы отдала, лишь бы когда-нибудь увидеть, как вы описаетесь от смеха», – хотела было сказать она, но сдержалась. Скривила губы и произнесла лишь: – Хм. Значит, мы держим штурвал вдвоем? – Убрала руки со штурвала и брезгливо, один за другим, тряпкой вытерла потные пальцы.

– Если не считать ребенка в утробе, да. Но на разных уровнях: вы – голова, я – сердце.

Умеет же он вывести ее из себя. Так и провоцирует на ссору. Может, отослать его с мостика под каким-нибудь предлогом?

– Слишком сильно пахнет дерьмом. Вы уверены, что не переборщили с дозой? – Найла театрально принюхалась. Воняло загаженной корабельными фекалиями травой и грязной одеждой.

Дхакритт изогнул одну бровь.

– Бхет пахнет ржавчиной. И немного специями, конечно.

Может, позвать на мостик Саргана, чтобы он ее сменил? Похоже на капитуляцию, но так она хотя бы немного отдохнет от этого несносного типа.

– Кстати, вы... – произнес отравитель вкрадчивым тоном. – Вы еще не рассказали о результатах разведки. Что вы увидели между стенами в миле впереди?

Найла оцепенела.

– Вы обязательно узнаете. Я намерена сообщить об этом в присутствии других офицеров, Саргана и Азура.

– Можете сказать сначала мне, ведь я отравитель, то есть четвертый по рангу офицер.

Найла приложила руку ко лбу и на минуту закрыла глаза. Слишком много свалилось на нее за последние несколько часов: и сложности управления кораблем в этой каменной кишке, и длинный спуск, и страх, что Сиракк поранится, и эта каменная глыба впереди... Да еще приступы тошноты и толчки, которые она то и дело ощущала в животе. Всего полчаса сна перед разведкой – а потом безрадостное понимание того, что они могут оказаться в тупике. К тому же Найла не знала, как команда отреагирует на совершенно безумный приказ снять с корабля колеса.

И, ко всему прочему, еще этот старый хрыч, из-за которого она вынуждена взвешивать каждое слово!

Вдруг на мостике появился Сарган.

– Иди отдохни, я постою у штурвала.

Найла отошла. Посмотрела на забинтованные стекла и могильный свет заката, просачивающийся сквозь паруса. У нее сразу закружилась голова. В вибрации металла что-то изменилось.

– Сбавь узлы! – приказала Найла.

– Всего четыре с половиной, всё под контролем, – не оборачиваясь запротестовал Сарган.

– Сделай три! Ты все время бережешь тормоза. – Пусть Найла и пропустила пару лишних стаканчиков, талант никуда не делся: свой корабль она чувствовала каждой клеточкой и сердце ее билось в унисон с сердцем корабля.

– Мудрое решение, – заметил Дхакритт, уставившись на отражение в лобовом стекле.

Найла посмотрела на обоих офицеров. Сарган и отравитель – два человека, два полюса, но оба одинаково важны для успешного выполнения любой миссии. Если удастся провести Сиракк по каньону целой и невредимой, во многом это будет их заслуга.

– Я кое-что должна вам сказать, – громко произнесла Найла. И снова почувствовала непреодолимое желание выпить. Жаль, что этой ночью ей вряд ли удастся вернуться в каюту. – Пожалуйста, послушайте меня внимательно. – Девушка соединила руки за спиной и подошла к стеклу, повернувшись спиной к офицерам.

На мостике повисла гробовая тишина.

Вдруг раздалось позвякивание. Вошел Азур.

– Что происходит? – сказал он на металлоязые. – На всем корабле только и разговоров, что...

Сарган и отравитель обернулись.

Найла не ответила, с невозмутимым видом вглядываясь в узкий проход впереди. Солнце больше не освещало ущелье. На носу корабля были зажжены все факелы, а песок оставался почти синим.

– Впереди, в глубине Великой изменности, есть препятствие, – сказала она, не обращая внимания на Азура. – Но мы сможем его преодолеть. – Найла запнулась. «Неправильно это, – подумала она. – Не с офицерами я сначала должна вести этот разговор».

– Как? – потребовал ответа Азур.

– Да замолчи ты!

Она выкинула из головы все мысли, заглушила все звуки, погасила весь свет. Закрывает глаза, задержала дыхание.

И услышала его.

Среди скрипа и визга тормозов оно пульсировало где-то далеко и очень тихо.

Девушка принялась убаюкивать сердце, стучавшее в металле. Медленно-медленно она настраивала его ритм в унисон со своим. Только почувствовав, что стала с кораблем одним целым, Найла обратилась к Сиракк. И рассказала ей все, не упустив ни одной мелочи: рассказала о глыбе между камнями, о своих сомнениях, о безумной идее...

– Но я буду с тобой, сестричка. Я и...

– Твоя дочь.

Найла вздрогнула. Неужели... неужели она правильно услышала?

– Что?

Сердце вдруг сделало лишний удар. Что-то не так.

Вторжение.

Найла распахнула глаза, резко повернулась и уставилась на отравителя.

– Вы?

Дхакритт не отрываясь смотрел на нее. Испепеляющим взглядом.

Она почувствовала его злобу, его слепую ненависть. Этот человек что-то скрывает. А то, что скрыть он не может, сыплется наружу словно раскаленные искры.

«Как, черт подери, ты попал на борт моего корабля, мерзавец?»

Найла этого не помнила, точнее, предпочла забыть, чтобы не винить себя за легкомыслие. За свою огромную ошибку она расплачивается до сих пор.

Девушка попыталась вернуть себе контроль и восстановить дыхание, но тщетно.

– Увы, Сарган, ты здесь один, кто этого еще не знает, – еле слышно сказала Найла. – И я должна рассказать тебе обо всем. Ведь именно ты будешь отдавать приказ команде.

– Что... со мной... было? – Ясир с трудом ворочал языком. Стены, стол – все вокруг расплывалось перед глазами. При бледном свете свечей он посмотрел на свои руки – они оказались измазаны засохшей кровью, все в царапинах и порезах. Ясир положил их на стол, ладонями вниз.

Моргнул. Закашлял.

Вместо остатков ужина перед ним лежал лист металла, на рваных краях которого запеклась кровь. Видимо, о них он и поранился.

Но это было не здесь!

Спазмы в горле. Ноги сводит судорогой.

Сидевший напротив Мелакко осторожно положил свою ладонь на руку Ясира. Ладонь была липкая и холодная. Шершавая как камень.

Мальчик в растерянности посмотрел на него и прошептал:

– Что ты со мной сделал?

Мелакко убрал руку и облизал губы. Потом показал три пальца и спросил:

– Сколько пальцев, Ясир?

– Три.

– Отлично. Ты снова с нами. – Мелакко слегка ударил его по уху и дернул за нос. – Вот ведро, возьми, тебе понадобится.

Ясира замутило и вывернуло наружу прямо на пол.

– Снять колеса? Она что, совсем с ума сошла?!

Найла поворошила угли палкой и внимательно посмотрела на свою команду. Этот костер моряки разожгли чуть поодаль от корабля, в закрытом от ветра месте. Присев рядом с капи-

таном, любой мог насладиться зрелищем укутанной в саван парусов Сиракк, не мешая работе экипажа.

Тут и там виднелись факелы, воткнутые в песок или закрепленные по несколько штук сразу связками на бортах корабля, словно большая гирлянда, только вот радоваться было нечему. Работа по съему колес шла полным ходом, и до самого восхода солнца передышки ждать не стоило.

В команде было тридцать человек – солдаты инженерных войск и специально обученные рабочие, вооруженные гигантскими трубчатыми гаечными ключами и гидравлическими молотами до пяти метров в высоту. Люди-муравьи. Которые точно знают, в какой момент нужно отпрыгнуть, чтобы не попасть под огромное, свалившееся со ступицы колесо Сиракк.

Из тридцати двух колес уже сняли девять.

Эти парни – мастера своего дела, настоящая гордость капитана. Ее семья, ее единственная семья. Даже несмотря на то, что из-за своей неотесанности они никогда не смогут стать по-настоящему близки ни с ней, ни с ее кораблем.

Найла подняла глаза на глыбу, застрявшую между каменных стен. В тусклом свете огней та казалась осколком тьмы, оторвавшимся от ночного неба. Луной, которая очутилась в пасти великана и мешает ему сжать челюсти.

Моряки, едва державшиеся на ногах от усталости, все в поту, кричали, сыпали проклятиями, ругались последними словами.

Даже если бы Найле нечего было делать снаружи, уснуть бы она не смогла. Но ее волновал не собственный отдых, а два сердца, о которых нужно позаботиться: сердце корабля, большое и сильное, и сердце создания в утробе, маленькое и хрупкое. Да и как уснешь, когда кругом стоит такой гвалт! Уж лучше остаться с командой.

Дочь, сказала Сиракк? Или она это придумала? В попытке оправдаться, что хочет девочку – пусть в этом желании Найла не признавалась даже сама себе...

Среди многих колыбельных, которые знала девушка, одна особенно успокаивала ее и ребенка в утробе. В ней пелось о молодом рыбаке, очарованном гигантской сиреной, которая жила на дне морском. Каждый день от восхода до заката юноша плавал в море на своей лодчонке и доставал из воды длинные черные волосы той сирены. С огромным трудом он поднимал их на борт, с восторгом гладил и часами расчесывал, стряхивая водоросли и маленьких моллюсков. А когда смеркалось, он возвращал их морю, зная наперед, что волны тут же растреплют их вновь. Одна строка совершенно завораживала Найлу – она учила ее слушать тишину.

*Волны – это губы воды,
Ее попытка поговорить и поцеловать...*

Никогда в своей жизни Найла не видела моря, но от этих слов слезы выступали у нее на глазах. Девушка понимала, что сирена пытается поговорить со своим возлюбленным. И очень хотела услышать, *что* обительница вод собирается сказать рыбаку...

Найла наклонила голову и вполголоса запела.

Привлеченный мелодичными звуками, по сапогу забрался светогеккон. Вокруг сновали сотни зверьков, которых выгнали с насиженных мест из-под брюха корабля. От лапок и голов песок казался зеленоватым. Наступить на геккона считалось плохой приметой, но в суматохе приготовлений десятки превратились в рагу из внутренностей и умирающего света.

Найла замолчала, страхнула наглое существо, закрыла глаза и постаралась сконцентрироваться. Она быстро почувствовала сердце Сиракк, отсчитала дюжину ударов (всё в порядке) и вернулась в шумную реальность импровизированной верфи.

Девушка заложила руки за спину, наклонила голову и наконец разглядела тощий силуэт отравителя. Дхакритт прохаживался между рабочими, аккуратно выбирая, куда поставить

ногу. Как же он оказался на ее корабле? Сколько бы она ни старалась, вспомнить о появлении отравителя на Сиракк почти ничего не могла и напрочь забыла, проверяли ли у него тогда все положенные бумаги. Возможно, этот надменный и двуличный человек просто стер воспоминания из памяти капитана и всех членов экипажа, используя свои яды.

Даже сейчас (Найла чувствовала это) Дхакритт был под кайфом. Как и в тот раз, когда он проследовал за ней до сердца корабля, а она в ярости выгнала его, не признавая право отравителя там находиться.

Найла инстинктивно положила ладонь на живот, словно стараясь защитить ребенка. Она отдала бы руку, чтобы ее дочери никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобными мужчинами. Пытаясь успокоиться, девушка вернулась мыслями к влюбленному рыбаку и сирене с длинными волосами.

Вдруг она услышала, как отравитель что-то резко приказал матросу.

Раздосадованная, поднялась с койки и отправилась на нос корабля. Пожалуй, ей будет полезно окунуться в суету работ, кипящих под брюхом Сиракк, выглядевшей странным привидением, и хоть немного притупить злость и негодование от того, что скоро придется оказаться один на один с этим мерзким типом.

Нет уж, моя дочь родится без участия этого человека! Пусть он и единственный на корабле, кто умеет принимать роды.

Чуть впереди несколько человек вытаскивали огромные бревна из трюма. Сиракк перевозила железную древесину из тропических лесов, с юга. Парни положили ношу на песок, откуда другая группа должна была забрать бревна и перенести под брюхо корабля. Именно там армия светогекконов несла наибольшие потери.

Найла, поморщившись, прошла мимо. Когда на месте колес окажутся бревна, начнется настоящая бойня гекконов. Смертельная мясорубка.

– Плохая примета? Нет, мелюзга, мы не специально, просто выбора у нас нет!

Она встала под каменную глыбу, служившую сводом этого странного прохода. На всякий случай корабль остановили метрах в двадцати, словно Сиракк собиралась постучать и спросить разрешения, прежде чем войти.

Найла посмотрела вверх. Каким-то образом пара светогекконов уже умудрилась забраться на камень. Девушка послала им воздушный поцелуй. Она обожала этих нежных ленивых существ, хотя понимала, что в некоторых случаях они могут быть опасны.

– Впечатляет, правда?

Девушка повернулась:

– Это вы? Не слышала, как вы подошли.

– Парни неплохо справляются с этой зеленой дрянью, не так ли?

Если он хотел быть ироничным, то это не вышло. Найле стало противно.

– Отравитель, вы суеверны? Вы же вроде человек науки.

Дхакритт поморщился: вопрос явно пришелся ему не по душе.

– Что значит «вроде»?

– Так вы суеверны?

– Отнюдь. А вы?

Найла тряхнула головой.

– Невежливо задавать мне тот же вопрос. Особенно раз уж вы сами отвечаете неискренне.

– Все капитаны суеверны. В силу своего характера, профессии и ответственности, которую они несут перед экипажем.

– С каких пор вы так хорошо знаете капитанов и так плохо – женщин?

Дхакритт поджал губы и посмотрел на светящееся зеленое пятно мертвых гекконов, растянувшееся у ног механического чудовища.

– С тех пор как попал на борт Сиракк.

– Напомните-ка мне, как это произошло?

Отравитель отвернулся.

– Обидно слышать, что этого не помните вы, капитан. Я знаю ваш корабль лучше вас.

– Да-да, вы уже тысячу раз говорили, что вас пригласил предыдущий капитан, чтобы вылечить... покраснение на корпусе. И что с корабля вы сойдете только тогда, когда он полностью выздоровеет.

Дхакритт и бровью не повел.

– Запомните раз и навсегда. Когда я сел на корабль во второй раз, вы были очень впечатлены моими рекомендациями. И доверили мне заботу о ребенке. Кстати, вы уже выбрали ему имя?

– Я даже не знаю, мальчик это или девочка, – исподлобья посмотрела на него Найла. – Вы что-то скрываете от меня, отравитель?

Дхакритт ухмыльнулся.

– Эти подозрения... вы переоцениваете меня, капитан. Я лишь скромный изготовитель ядов.

– Прекрасно, тогда оставим воспоминания и личные вопросы, – ответила Найла. – Нам и без этого есть о чем поговорить. Жду вас и офицерский состав на капитанском мостике через девять минут!

Ясир поставил чашку на стол и кивком поблагодарил Мелакко.

– Сколько я был... в отключке?

– Минут пятнадцать.

– Всего? – Плюс время, которое он мылся, сушился и кружками пил чай, пока его «отравитель» пытался отчистить пол.

Мелакко зажег еще одну свечу.

– Да.

– Извини. За то, что тут устроил.

Горьковатая вонь свежей рвоты заглушала все остальные запахи.

Мелакко скрестил руки на груди.

– Я же предлагал ведро. Теперь тебе лучше?

– Да, но я пока еще не совсем очухался. Я не понял, что со мной было.

Они вышли на палубу, на свежий воздух, под звезды, и разглядывали море резины, окружавшее их развалюху.

– Что именно ты не понял, мальчик?

– Получается, ты можешь делать со мной все, что хочешь? Как ты смог заставить меня пройти больше ста метров и притащить кусок железа?

Повисла длинная пауза.

– Нет, не всё. Я и сам до конца не выяснил, как работает бхет. Но знаю, что мне не хватало получателя, человека, который бы соскабливал ржавчину с металла.

– А мы можем поменяться? Чтобы ты стал получателем, а я отправителем?

Мелакко убрал локти с фальшборта и выпрямился.

– Не болтай лишнего, мальчишка, все не так просто. Чтобы отправитель мог взаимодействовать с получателем, нужно, чтобы у получателя в теле был металл, хотя бы крошка... мельчайшая крупинка.

– В смысле, чтобы у него была Болезнь?

Мелакко кивнул:

– Хватит самой малости. Ты болеешь, малявка?

Ясир отрицательно затряс головой.

– Нет, нет! А ты – да? Вон у тебя бляшка на лице...

Мелакко отвел глаза.

– Да. Я заразился два года назад, но бхет, видимо, не дает Болезни разгуляться.

Из темноты на покрышки за ночной трапезой спланировал ромбокрыл. И принялся конвульсивно бить крыльями и лапами по иссохшей резине, словно кто-то запер его в клетке. Наверное, нашел мышь.

– Знаешь, что мне иногда хочется сделать? – нарушил молчание Мелакко. Ромбокрыл оторвался от черной пустыни с огромной добычей, трепыхавшейся в клюве, и исчез в ночном небе. – Сняться с якоря и на этой развалюхе отправиться в плавание по дюнам.

Ясир молча уставился на него. Когда садилось солнце, мальчику показалось, что у остова нет колес. А без колес корабль далеко не уплывет, хотя вокруг и полно шин на любой вкус.

– Нужно только подождать, пока придет какая-нибудь пескочерпалка с большущими кра-нами. И вытащит меня на песок.

Ясир пожал плечами.

– А ты правда хочешь уплыть? – не поверил мальчик, но вслух этот вопрос не задал. И спросил себя, обидело ли его предательство Мелакко. Пожалуй, нет: рано или поздно он бы все равно попробовал бхет, а тут хотя бы рядом был тот, кто знал, что делать в случае чего. Что ему терять? У него – ни семьи, ни друзей, ни планов на будущее. А вдруг этот человек с отметиной Болезни на щеке и расширенными от бхета зрачками поможет ему начать новую жизнь?

– Второй каюты у меня нет, – объяснил Мелакко. – И другой койки тоже. Поэтому будешь спать на палубе.

– Не боишься, что я сбегу?

Мелакко лишь усмехнулся.

– И куда ты пойдешь? Пока ты бродил по покрышкам, я немного покопался в твоей голове.

Он оставил Ясира в темноте, а сам вернулся внутрь остова.

2

Великая измененность Ашавара

Это не она выбрала Сиракк, а Сиракк – ее...

От палуб разит гнилыми сливами. Киль наполовину погребен в дуне. Вместо передних шин – ошметки резины.

Раненая. Измученная. Покосившаяся.

Свисающие с палуб железные листы с рваными краями хлопают на ветру. В перилах фальшборта трепыхаются обрывки парусов. На фок-мачте развеивается черный флаг – знамя высшего презрения: «Брошенный корабль, бери, кто хочет».

В трубах есть еще немного смазочного масла. Из трюмов доносится бурление, с каждой минутой все более слабое.

На ее безмолвный вопрос ответила стая птиц, сорвавшихся с кормы. Несмотря на разочарование, этот юный корабль, уснувший в песке – по всей видимости, китобойное судно, – не умер. В нем еще теплится жизнь.

Всю ночь и весь следующий день птицы неустанно кружили в безоблачном небе.

Найла же, бормоча что-то себе под нос, слушала жалобы трюмов и чувствовала, что в душе у нее зарождается надежда. Целый день она ходила от кормы до носа и обратно, выбирала среди обломков живой металл, а мертвый скидывала за борт.

Вечером, совершенно без сил от усталости и тревоги, она заснула в тени небольшого навеса у наклонного стекла мостика и увидела сон. Тогда тоже было темно...

Найла споткнулась обо что-то правой ногой. Подняла торчавший из песка гладкий ровный предмет. От прикосновения у нее перехватило дыхание, а сердце словно сковало льдом. находка выпала из непослушных пальцев. Девушка присела на корточки и, кусая губы, подняла ее снова. На этот раз крепко держа обеими руками.

Ко...коробка. Металлическая. Размером с секстант. С защелкивающейся крышкой.

Погладив пальцами края, Найла поднесла ее к уху. Услышала ритмичные всхлипывания. Слабое биение сердца.

– Это ты? – Кожа на руках покрылась мурашками. Найла разжала пальцы, коробка упала к ногам. Неужели?... Поверить в это было слишком трудно.

Она открыла глаза, сердце бешено билось. Забравшись на борт корабля, Найла первым делом принялась искать корпус механокардионика, чтобы положить туда сердце Азура. Именно оно было в коробке, найденной на песке, закрытой на несколько замков. Кто-то на Мизерабле – единственном летающем корабле Мира9 – замуровал сердце Азура и сбросил за борт. А его корпус оставил себе, чтобы засунуть в него сердце поценнее и подвергнуть беднягу чудовищным пыткам.

Найла нашла грязный помятый панцирь механокардионика в машинном отделении и положила туда сердце. Но прошел уже час, а он не подавал признаков жизни.

Сарган, укрывшийся от солнца в тени рубки, молча посмотрел на девушку. На верхней палубе он подобрал моток проволоки и гнул ее в руках, стараясь что-то соорудить. Видимо, моряк вел свою немногословную беседу с кораблем, разговор по душам. Его слова передавались от пальцев к металлу без посредника: каждый изгиб проволоки, каждый завиток, каждая спираль сразу доставляли послание получателю. Подушечки пальцев испачкались красной ржавчиной.

Найла принялась наблюдать за его стараниями: именно благодаря мастерству Саргана им удалось открыть замки на коробке с сердцем. Потом присела рядом и решила наконец нарушить тишину.

– Ты ржавчика сделал? – Она помнила, как отец рассказывал ей об этих существах. Они водились на борту каждого корабля по двое, трое, а то и больше, и свободно бегали по верхним и нижним палубам. Не то игрушки, не то домашние животные, созданные из живого металла терпеливыми руками человека. Совершенно бесполезные, они только мешали экипажу работать, а птицам – гнездиться на решетке, через которую выходил пар от котлов.

– Нравится? – Сарган поднял свое творение, повертел на свету. Кто знает, оживет ли это сплетение прутиков, которому он пытался придать симметрию. В ржавчика оно превратится, если корабль согласится принять их дар.

– На верхней палубе почти все погибло, – с грустью произнесла Найла. Девушка думала об Азуре, о том сердце в коробочке – единственном, что от него осталось. Она потеряет его навсегда, если как можно быстрее не найдет новый корпус.

– Попалось что-нибудь подходящее?

– В машинном отделении есть один корпус. Я немного подождала...

– И?..

Найла покачала головой.

– А с этим что? – Сарган показал на ржавчика. – Хочешь, попробуем?

Найла кивнула с безнадежным видом. Сейчас они узнают точно, стоит ли убирать черный флаг, или корабль теперь годится только как временное укрытие от беспощадного солнца.

Сарган положил ржавчика на пол.

Найла нагнулась и согрела его спину теплым дыханием.

Бесполезно. Лапки (Сарган смастерил даже их) не шевелились.

– Пауки и крабы – не мой конек.

Найла сложила руки на животе. Может, они зря забрались на эту развалюху.

– Переночуем здесь, а завтра за пару часов до восхода солнца пойдем дальше.

Знать бы, куда именно.

Если нет ржавчиков, то нет ни жизни, ни надежды. Пусть даже в трубах что-то булькает, а птицы не улетают.

Сарган хотел было подобрать свое неуклюжее творение.

Но ржавчик, перепугавшись, засеменил и спрятался под кучей тряпок.

– Ах ты мой хороший!

Ржавчик чуть-чуть высунул голову.

С носа корабля нетвердыми шагами к ним приближалась тень.

Послышался лязг несмазанных суставов, запахло старым железом...

Отравитель поднес ладонь ко рту и громко прочистил горло.

Найла повернулась, очнувшись от собственных мыслей.

– Садитесь.

Дхакритт подчинился.

– Вы знаете, как я познакомилась с Сирак? – произнесла девушка.

– В общих чертах.

– Хорошо.

Ответ получился двусмысленным, поэтому она продолжила:

– Я нашла ее, наполовину погребенную в песке. По всей видимости, незадолго до этого она подверглась сексуальному насилию. Понимаете, о чем я говорю?

– Война есть война, а изнасилование – неизбежная ее часть, – отозвался отравитель, уставившись в пустоту. – Да, капитан, я прекрасно знаю, что это значит.

– То есть в определенных случаях вы одобряете даже такую жестокость? «Да он не человек, а чурбан какой-то, бесчувственный и спесивый», – подумала Найла.

Дхакритт посмотрел перед собой и не произнес ни слова.

– Прежде чем уйти, нападавшие подняли на Сиракк черный флаг, – продолжила девушка. – Полагаю, вы знаете, о чем это говорит, не так ли?

– Корабль будет принадлежать тому, кто заявит на него свои права.

– Совершенно верно. – Найла отошла на пару шагов. Остановилась и обвела глазами переборки. Прислушалась. Иллюминаторы в большинстве своем были сделаны из стекложести – не такие прочные, зато дешевле, тогда как лобовые стекла – из стеклогеля, благодаря чему они «дышали» словно прозрачные жабры, очищая сами себя. Снаружи по-прежнему доносились звуки верфи: оглушительные удары молота, крики, проклятия. Работа шла полным ходом, весь корабль сотрясался. Найла и отравитель вскоре должны будут тоже сойти на песок. Девушка снова взглядела в ненавистное лицо и по слогам повторила: – Ко-рабль при-над-ле-жит то-му, кто-за-я-вит на не-го сво-и пра-ва. – Отвернулась. – С того момента Сиракк не была ни девочкой, ни мальчиком. До сегодняшнего утра. Прошло восемнадцать весен! По-научному вроде это называется б е с п о л ы й.

– Термин абсолютно правильный.

– По-другому и быть не может, не так ли?

Дхакритт наклонил голову в знак согласия, всем своим видом давая понять, что эту тему он считает своей исключительной компетенцией.

– Вы согласны, как я вижу.

– Корабли и природа существуют так, как им предначертано. Они тесно связаны друг с другом. Теснее, чем мы, люди, готовы это признать. – Отравитель шагнул вперед. – Сиракк снова участвует в брачных играх, она снова полноценная особь. Капитана это должно радовать.

– Я рада. Вы подтвердили мои подозрения: у корабля опять появились сексуальные аппетиты. Но дело не в этом. Не совсем в этом.

Отравитель прищурился.

– А в чем же?

– Я прочитала много трактатов о материи и знаю, что вы способны это сделать... – Найла сложила руки вместе, соединив кончики пальцев. – Я думаю, вы понимаете: в нашем положении женский пол корабля может обернуться бедой. Особенно если нам не дай бог придется со всех ног бежать до Мехаратта, удирая от какого-нибудь хищника. Мы потеряли половину колес, тормоза чуть живы после долгого спуска, а чтобы выйти из этого ущелья, много миль придется подниматься. – Найла сделала паузу: хотела немного перевести дух, а главное – придать пафоса следующим словам: – Я хочу, требую, настаиваю... чтобы вы изменили пол Сиракк.

Ясир тянул корпус за ногу, пока из груди покрышек не показался довольно неплохо «оборудованный» пах, а потом и брюшко. Окошко в животе было немного потемневшим от ожога, а дверца распахнута – залезай, кто хочет. Сердце там, видимо, нет.

Мальчик ухватил механокардионика за вторую лодыжку и сильно дернул, чтобы полностью достать из кучи старой резины.

Но существо больше не сдвинулось ни на миллиметр.

Ясир сел на корточки, вытер лоб тыльной стороной ладони и пристально посмотрел на верхушку дюны. Небо над гигантской свалкой по-прежнему было темно-лиловым. Тогда почему так жарко?

День с самого начала не задался, и ничего хорошего ждать не приходилось. Мелакко разбудил его ни свет ни заря, заткнув нос и насыпав в рот вонючего песка.

Последние пять дней хозяин свалки с ним не церемонился и почти не разговаривал. От Ясира требовалось только находить железяки в грудке шин, на тачке свозить вниз и отчищать до блеска, а ржавчину собирать в склянку. Чтобы не сойти с ума от жары, мальчик старался начинать поиски до восхода солнца, а в самое пекло сидеть в тени остова, работая скребком и полировочной жидкостью.

Сейчас Ясир стоял на коленях среди гнилых покрышек. Когда эффект от бхета проходил, дни казались совершенно одинаковыми, тоскливыми и монотонными. Кожа у мальчика потемнела, зашелушилась, покрылась мозолями и язвами от укусов насекомых.

Но в сумерки, когда дюны из шин становились синими, а Мелакко давал ему новую дозу, все преобразалось. И появлялись силы на новый день. Тогда Ясир чувствовал умиротворение и с закрытыми глазами гулял по горячей резине, которая уже не жгла ноги, как днем. Босиком. Иногда его, конечно, выворачивало наизнанку, и он сгибался пополам между колес, но такое случалось редко. Он привыкал.

Бхет помогал мальчику находить настоящие сокровища. Трухлявые обломки, самородки и стуски ржавчины, которые можно было ссыпать в склянку целый день. Не прилагая усилий. Обычно Ясир оставлял их там, где нашел, или складывал в тележку у подножия дюны, а на следующий день забирал на свежую голову. На свалке он находил не только металлолом: были там скелеты птиц и мышей, похожие на ожерелья, осколки цветного стекла, инкрустированные латунию хрящи, диадемы перьев... и части механокардиоников. Но целого корпуса он раньше здесь не видел.

Мальчик залез немного повыше, обеими руками приподнял огромную, разорванную в нескольких местах покрышку и оттолкнул ее в сторону. Показалась голова. Прямо на него смотрели две пустые глазницы. Теперь надо освободить от мусора спину и плечи. Вот только руки застряли где-то в глубине.

Ясир разорвал сухие ошметки протектора и достал одну руку. Она была слегка помята, но в целом выглядела как новенькая.

Наверное, полчаса ушло на то, чтобы выкопать существо целиком. Солнце уже почти стояло в зените.

Присев на корточки, Ясир принялся рассматривать механокардионика. Корпус вроде цел, хотя и покрыт вмятинами. Но самое удивительное: на этом старом, покрытом солнечными бликами металле нет и следа ржавчины!

Мальчик горестно вздохнул. Вся работа впустую! Придется просто сбросить механокардионика в яму между шинами, чтобы не загоразивал дорогу.

Вдруг рядом в куче мусора кто-то зашевелился. Мимо пронеслась темная тень и спряталась в одной из покрышек.

Ясир замер. А что, если?.. Он никогда не задумывался, где Мелакко берет солонину на ужин. Скорей всего, вокруг остова расставлены ловушки. Но проверять их мальчика не заставляли, а он не задавал лишних вопросов.

Рука свободно проходила в довольно большое окошко на животе механокардионика. Замок на дверце сломан, а одна из петель вырвана чуть ли не с мясом. Но починить – пара пустяков.

Решение принято, каким бы безумным оно ни казалось.

Мальчик встал, закрываясь ладошкой от палящих лучей. Солнце поднималось из-за гребня дюны из шин. Перед Ясиром лежало распластанное тело механокардионика. Надо бы как-нибудь его укрыть, не засовывая обратно вглубь помойки. Ошметки шин, как клубки змей, валяются повсюду – можно и десять трупов спрятать. Ясир притащил самые большие и накидал на металлический корпус.

Остаток дня он работал как попало, не переставая прокручивать в голове свой сумасшедший план. Нужно быть осторожным, хотя ничего плохого делать он не собирается. Вечером,

как только обычный обход остова будет закончен, надо вернуться к механокардионику, прихватив мешок с инструментами. Отвязавшись от Мелакко, он сможет наконец-то заняться своими делами.

Сиракк, которую на огромных цепях тащили шестьдесят человек, сантиметр за сантиметром начала сдвигаться с места. Металл стонал, моряки от натуги согнулись почти пополам, их лица исказила гримаса страдания и боли.

Найла наблюдала за ними, стоя у подножия каменного свода, сложив руки на груди.

Теперь, когда вместо ступиц под корпусом были лишь стволы железных деревьев, корабль стал значительно ниже. Но все равно оставался очень тяжелым, и от экипажа требовались нечеловеческие усилия.

Напряжение почти осязаемо. Тишину нарушает только лязг металла. Жилы натянуты так, что вот-вот лопнут. Пот стекает ручьями. Челюсти сжаты до спазма, до сломанных зубов.

Передние колеса – восемь из тридцати двух – откатили за каменную арку. Теперь они лежали на песке в два ряда перед началом подъема, ожидая, пока их вернут на место. Остальные перетаскают под сводом после того, как его преодолеет Сиракк.

Сарган громко отдал приказ. Моряки сбросили цепи на песок и стояли наклонившись вперед, упираясь руками в колени, не в силах распрямиться. Кто-то повалился на землю, схватившись руками за голову, другие лишь разминали натруженную спину, задрав голову кверху, молясь и охая.

Кок по имени Майд – огромный как шкаф и весь покрытый татуировками – пронес по рядам ведро воды, дав каждому по поварешке. Тех, кто совсем выбился из сил, на несколько минут заменили отдохнувшими.

Найла подошла к Саргану.

– Пусть снимут еще несколько колес.

Страж песков отправился передавать приказ команде.

Девушка отошла в сторону. Через пару минут Сарган вернулся. Он казался обеспокоенным.

– Отравителя не могут найти. Кто-то видел, как он поднимается на борт.

– Он в кардиокомнате. Наверняка проводит какой-нибудь ритуал.

Сарган бросил взгляд на зажатую стенами ущелья глыбу и прокричал: «К цепям!»

Внезапно завывла сирена.

Ясир резко поднял голову и успел схватить мышь, попытавшуюся выскользнуть из пальцев. Он нашел четырех, но одна почти сразу издохла. Да и вторая, кажется, долго не протянет.

– Вот так, моя хорошая!

Левой рукой открыл дверцу в животе механокардионика (петлю и замок он починил без труда), подмигнул приманке и бросил в темноту. Быстро закрыл крышку и крепко прижал ее обеими руками.

Мышь билась в полом корпусе как безумная, кидаясь на стенки с поразительной настойчивостью.

Сирена завопила снова.

«Черт бы побрал эти аварии на входе в порт!» – подумал Ясир. Шум внутри механокардионика резко стих. Мальчик постучал по дверце. Тишина. Приоткрыл на полпальца.

Никаких звуков.

Распахнул окошко. Слишком темно, ничего не видно. Засунул руку и нащупал комок жесткой шерсти. Вытащил наружу, подержал за длинный серый хвост и зашвырнул в крышки.

– И вторая тоже! – Мальчик вспомнил рассказы о людях из латуни. Механокардионики ведь очень чувствительны к звуковым вибрациям, а сердца мышей маленькие и слабые. Может, все его приманки одна за другой погибнут от слишком громкого воя сирен. Эх, был бы порт хоть чуть-чуть подальше!

Прищурившись, Ясир заглянул в мешок. Еще пара мышей есть. Нужно попробовать снова, на этот раз бросить в корпус сразу обеих: «Одно сердце хорошо, а два – лучше».

Удастся ли? Попытка – не пытка. Слава богу, он не под кайфом; сегодня ясная голова для воплощения своего безумного плана ему нужнее, чем прогулка во сне по черному морю шин.

Мальчик внимательно осмотрел свои руки, каждый палец. Главное – синхронность движений.

Глубоко вдохнул, закрыл глаза и сосчитал до десяти. Решающая попытка... Может, стоило все же принять бхет?..

Перекачивающиеся под корпусом стволы грохотали так, что сердцебиения дремавшего корабля почти не было слышно. Глухие ритмичные удары казались отдаленным эхом.

До самого горизонта – дюны, блики, фонтаны песка. А чужие, непривычные «колеса» под брюхом Сиракк крутятся с трудом.

Дхакритт скрестил ноги, сидя на теплом полу кардиокомнаты, и еще сильнее выпрямил спину. Глаза под опущенными веками метались из стороны в сторону. То ли гнались за кем-то, то ли убегали сами.

Сиракк снился сон.

А отравитель спешил пролистать каждую страничку чужой истории, не пропуская ни одной строчки.

...С головы до ног он был покрыт песком и буквально чувствовал, как тот проникает в поры. Яростно почесался и со злости спихнул ногой за борт труп черной птицы. Большими шагами пересек верхнюю палубу и перегнулся через фальшборт юта. Какая же огромная и какая ровная пустыня! А корабль оставляет на песке две идеальные колеи, тянущиеся по дюнам до самого горизонта.

Отравитель посмотрел на корму. Почти до последней батареи колес по корпусу спускалась щель – противное, но в то же время соблазнительное зрелище.

Осознавая, что он находится внутри сна Сиракк, Дхакритт еще раз взглянул на пустыню: подул сильный горячий ветер, поднимавший замысловатые завитки песка с колеи, оставленной кораблем.

Тот самый... Отравитель знал этот ветер и что он предвещает.

Вздрыгнул, попытался закричать, но рот тут же забился песком.

Сильный рывок. Дхакритт инстинктивно вцепился в поручни. «Быстро же меня обнаружили!» – подумал он. Сиракк почувствовала вторжение и, протестуя, пытается утащить его в другую часть сна.

Ветер дул все сильнее, стараясь оторвать Дхакритта от фальшборта.

Отравитель еще крепче ухватился за поручень, уперся ногами, сжал зубы и доверился бхету.

Песчаные завитки поднимались ввысь, рисуя в воздухе огромный силуэт. Гальюнная фигура, четкие очертания киля...

Гигантская волна, изрезанный гребень которой поднимался так высоко, что закрывал половину неба.

Но поразило Дхакритта другое: на самой вершине, раскинув руки, стояла женщина – босая, широкие блуза и штаны полощутся на ветру. Огненно-рыжие волосы, окаймляющие прекрасное лицо... Найла, Повелительница волн.

Отравитель прикрыл глаза и вжал голову в плечи, пытаясь хоть как-то защититься от песчаной бури. С него хватит, пора уходить и начинать действовать. Нужно остановить Найлу любой ценой и забрать наконец то, что по праву принадлежит ему.

Дхакритт моргнул и широко раскрыл глаза. Он не сразу понял, где находится. Кардиокомната была заполнена паром, а сердце в двух шагах от него билось с удвоенной энергией.

Ай! На живот вдруг запрыгнул ржавчик.

Отравитель отшвырнул его подальше, поднялся на ноги и на ощупь нашел люк, ведущий в коридор. Биение сердца корабля отдавалось в костях, пол вибрировал.

Дхакритт попытался вернуться в сон и убедиться, что не ошибся. Хотел еще раз взглянуть на корму.

Этот вытянутый грозный силуэт гальюнной фигуры в завитках песка...

Великая волна. И оседлавшая ее неукротимая Найла, словно королева верхом на скакуне.

У Сиракк жар. Эх, если бы он остался во сне, то смог бы ее вылечить.

Открыв люк, Дхакритт выскочил наружу. Пол корабля менять слишком поздно: нужно объяснить Найле, что ее план неосуществим. Сиракк неизбежно снова превратится в капризную девушку. Придется с этим смириться.

А он просто подождет нужного момента, чтобы забрать сердце капитана. И вместе с ним жезл Повелителя волн. Абсолютного хозяина Мира⁹.

Оглушительный грохот.

Дхакритт повалился на пол.

Вой тысячи сирен, включившихся одновременно.

Вонь. Как от гнилых слив.

Вопли. Проклятия.

Отравитель дополз до лестницы и схватился за первую ступеньку. Уперся спиной в переборку и поднялся на ноги. Прислушался. Сердце корабля колотилось неистово. Что это было – оргазм, испуг? Похоже, Сиракк выходила из бхетовой комы.

Чудовищный грохот. Видимо, что-то случилось. Крики, удары, суматоха. Но даже сквозь этот шум слышно биение сердца корабля.

Дхакритт побежал по длинному коридору, запыхавшись, нашел лестницу и вылез наверх. Пытаясь разглядеть хоть что-то при тусклом свете иллюминаторов, он вышел на палубу и тут же запутался в парусе, которым забинтовали корабль. Кричали так, что в ушах звенело. Но что же стряслось? Пытаясь высвободиться, отравитель начал рвать полотно голыми руками. Надо бы выглянуть за борт. Какие же крепкие паруса! Неужели я в ловушке? – подумал Дхакритт.

И завопил.

Через полотнище проникал тусклый свет: видимо, внизу многие факелы погасли. Почему? Они упали в песок? Неожиданно налетел шквальный ветер?

– Капитан Найла!

Как он сразу не заметил, что у палубы сильный крен на правый борт?!

– Найла! Сарган!

Подняв окровавленную сандалию, Найла швырнула ее в каменную глыбу. Под валуном – три или даже четыре человека из ее команды. Погребены под тонной гранита, ни с того ни с сего свалившегося вниз. А еще двенадцать остались с той стороны отрезанными от корабля.

Три дня назад двоих убил кит... Получается, больше пятнадцати человек погибли или пропали без вести.

А Сиракк...

Сарган подошел к убитым, но помочь уже ничем не мог. Найла схватила его за плечо, заставила повернуться.

– Скажи парням, что мы справимся. Ничто и никто на свете нас не остановит!

– Моряки суеверны. А это место не сулит ничего хорошего.

Оставшиеся в живых после обвала собрались вместе в ожидании приказов.

Найла обвела взглядом экипаж. Встретилась глазами с каждым по очереди: многие не спали прошлой ночью, были ранены и едва держались на ногах. Никто из них никогда раньше не бывал в самой нижней части Великой низменности Ашавара. Говорят, где-то здесь, в песке, спрятан вход в ад.

Найла попыталась ободрить команду.

– Мы смогли перенести больше половины колес, – сказала она, обращаясь ко всем сразу. – Это немного. Но достаточно, чтобы добраться до Мехаратта, а там можно купить новые. Все, что зависело от нас, мы сделали – теперь очередь Сиракк. Заканчивайте работу, а потом постарайтесь отдохнуть хотя бы несколько часов.

Ночной воздух пах дымом и корабельными выхлопами.

Найла не отдавала приказ хоронить погибших – какой смысл, если нет ни одного целого тела. Да и без ее приказа будет сделано все, что нужно. Она отошла в сторону. Рядом тут же оказался Сарган.

– Как Сиракк?

– Перепугана до смерти, – ответила Найла. – Будь у нее колеса, мы бы не смогли ее сдерживать. Она бы изранилась и погибла в каньоне. Отравитель решил дать ей еще одну дозу снотворного. А я переживаю, как мы одолеем подъем.

Вся земля была усыпана запачканными корабельным дерьмом обломками, которые торчали из песка как колючки чертополоха. Чудовищно воняло испражнениями. Разбуженная резким падением каменной глыбы, обломавшей ей корму, Сиракк потеряла контроль над собой и исторгла из своих недр зловонный жидкий поток.

– Надо бы найти оазис и напоить корабль. Он потерял много жидкости, – сказал Сарган. – А при подъеме потеряет еще.

– Раненых много? – спросила в ответ Найла, запомнив совет помощника.

– Кроме тех, которых ты видела, двое немного поцарапаны галькой.

Найла еще раз бросила взгляд на глыбу, которая разделила каньон надвое и чуть не обрушилась прямо на корабль. Как будто последний элемент мозаики встал наконец на свое место в каком-то огромном рисунке, увидеть который полностью не дано никому. На земле эта масса гранита казалась вдвое больше, чем в воздухе. Под ней – то, что осталось от трех или четырех моряков. И каша из светогекконов. После такого зрелища и глаз не сомкнешь.

– Чего ты ждешь? – Найла понимала, что медлить больше нельзя. – Самых суеверных тоже поторопи. Чем раньше мы вернем колеса на прежнее место, тем быстрее выберемся из этой мясорубки.

Сарган удалился.

Предстояло еще много работы – возможно, закреплять колеса и грузить бревна в трюмы они будут всю ночь.

Вдруг что-то зашевелилось в песке и запрыгнуло ей на ногу. Это ржавчик, который смог сам очиститься от свежего помета на лапках и теперь просил убрать грязь у него со спины.

– Поищи кого-нибудь другого, – сказала она, – мне сейчас не до баловства. – Подняла созданыще и положила его на штормтрап, чтобы оно перебралось на Сиракк.

Сидя верхом на вытащенном из свалки механокардионике, Ясир смотрел на солнечный диск, который постепенно опускался за гору покрывок. Если встать, можно увидеть, как солнце садится между кораблей, бросивших якорь на выходе из порта: яркие блики на старом металле дарили такое зрелище, ради которого стоило работать на жаре весь день.

Нет ничего прекраснее огненного заката. Теперь, когда Ясир мог наслаждаться им с берега моря из шин, заходящее солнце казалось еще великолепнее. Словно золотая монета

опускалась в копилку ночи. Он часто представлял, как трясет ее и слышит позвякивание своего светящегося сокровища.

Ясир посмотрел на механокардионика. Обезумевшие от испуга мышцы яростно бились о корпус, будто зубами или когтями хотели проделать в нем дыру.

– А ну хватит! – Мальчик хлопнул ладонью по металлической груди. – Сидите тихо. – Из-за любого пустяка все может пойти насмарку, а если мышинные сердца не выдержат, придется проститься с желанием оживить жестяного человека. Забыть раз и навсегда.

Но механокардионик поднял руку. Она покрутилась как перископ и схватила Ясира за плечо. От неожиданности мальчик отпрыгнул в сторону и шлепнулся в паре метров от жестяного человека.

Поднявшись, Ясир присел на крышки и увидел, что механокардионик выпрямил спину и растерянно озирается вокруг.

Интересно, что значит буква «М» на лбу? Раньше Ясир ее не замечал.

Сердце колотилось как сумасшедшее, и мальчик не мог понять – это его сердце или мышинное? Во рту пересохло. Ясир слотнул.

– Ты жив... – утверждение, прозвучавшее как вопрос.

Видимо, только в этот момент механокардионик понял, что рядом кто-то есть.

Крышки пришли в движение, и Ясир еще на метр съехал вниз. Здесь, на свалке, наверное, будет очень сложно общаться с сердцеглодом, ведь металла вокруг почти нет. Нужно найти какой-нибудь способ поговорить. Хоть бы металлояз, который использует механокардионик, не слишком... заржавел.

Казалось, существо удивлено (и напугано) не меньше, чем он. Ясир ловко вскочил, присел на корточки, снова съехал по крышкам немного вниз и постарался встать устойчиво. Свалка ведь как живая! Словно дракон, свернувшийся клубком в кольце своих крыльев и хвостов. Механокардионик, сидевший на небольшом пригорке, решил последовать за Ясиром.

– Думаешь, получится? – с сомнением спросил мальчик. После нескольких неудачных попыток Ясир протянул железному человеку руку и помог встать на ноги как ребенку.

– Легче всего идти по прямой дороге, – важно сказал он.

Механокардионика кидало из стороны в сторону, и мальчику пришлось поддерживать его, чтобы тот не упал. Со стороны они походили на сумасшедших боксеров из разных категорий, по очереди висящих друг на друге. Наверное, двух жалких мышинных сердечек недостаточно для нормального функционирования. Для поддержания равновесия уж точно.

Ясир сделал полшага в сторону и медленно убрал руки, готовый тут же подхватить механокардионика, если что. Но тот резко качнулся назад и свалился на задницу.

– Я не смогу дотащить тебя до Мелакко, – сказал Ясир, посмотрев на верхушку черной горы. Солнце по ту сторону уже, наверное, закатилось, и небо на востоке стало розово-лиловым. – Хочешь переночевать здесь, да?

Механокардионик наклонил голову, будто ребенок, которому надоело выслушивать бесконечное ворчанье родителей.

Ясир уселся рядом и приложил ухо к полости для сердец. Мыши притихли. Их нужно покормить? Или механокардионик сам о них позаботится?

Жестяной человек, не сомневаясь, что Ясир знает металлояз, положил руку ему на живот и ни с того ни с сего стал рассказывать длинную историю.

По совету отравителя, когда стемнело, матросы развязали биндажи Сиракк. Паруса кое-как забросили на палубы, чтобы при первом свете зари забинтовать корабль снова.

Найла перелезла через моток парусины, спустилась на нижнюю палубу и распахнула дверь в свою каюту. Она совершенно вымоталась и с радостью скоротала бы время до утра в компании бутылки.

Девушка зажгла керосиновый светильник на маленьком письменном столе и села на раскладушку, чтобы снять сапоги.

Из кресла, погруженного в темноту, на нее смотрел Азур.

– А ты что здесь делаешь? – спросила Найла.

Механокардионик перекинул ногу на ногу.

– Жду лекцию по фонетике. На нее еще есть время. А то пропустим день.

Найла улыбнулась и подтащила сапог к животу.

– Нет, жестяной дружок, я до смерти устала.

Азур поднялся.

– Снаружи такой грохот, что ты все равно не сможешь уснуть. А я тем более. – Он подошел к раскладушке.

Найла не смогла стянуть сапог и поставила ногу на пол.

– Помоги мне!

Механокардионик с лязгом встал на колено. Снял сапог и взял ее ногу в руки.

– Неплохо, помощник капитана. – Пальцы у Азура были прохладные и, несмотря на материал, невероятно нежные. Найла позволила ему помассировать стопу и пятку. Прикусила губу, выгнула спину, отклонившись назад и опираясь на локти. – Не хочу знать, где ты этому научился, но именно такой массаж мне сейчас и нужен.

Азур молча стянул второй сапог и проделал то же самое с левой ногой. Потом схватил обе и раздвинул их.

– Лекция, – сказал он, сверкая черным огнем в глазах, – должна начинаться со стонов.

Найла расстегнула штаны. Закрывает глаза и почувствовала, как ткань сползает по бедрам и падает на пол. Мурашки. Она оперлась на локти, положила голову на подушку и пошире развела ноги.

Азур встал на колени между ее бедер и проник в нее. Холодный металл. Жажущий, жадный.

Она стиснула его бока ногами.

И снова покрылась мурашками, когда почувствовала, как он двигается.

Запрокинула голову и обеими руками схватила простыню, комкая ее пальцами.

Металлический человек снова проник в нее, вышел, еще раз вошел.

Найла вытянула шею, застонала.

Не останавливаясь, Азур начал неумело произносить строки своей песни. Два, три. Пять раз, все громче. Звук такой, словно в горло засунули кусок железа. Как будто спертый воздух выходит из прорехи в старом металле.

Найла закричала и сжала Азура бедрами. Одним вдохом выпила прохладу с этого негнущегося тела, даря ему все тепло своей плоти.

Когда она открыла глаза, механокардионик уже лежал на спине, уставившись в потолок.

Его сердце билось совсем рядом. Девушка повернулась и посмотрела на лицо Азура. Латунные щеки покрылись паром, который передало ее горячее дыхание. Но больше – ничего – ни улыбки, ни теплоты – только тьма в глазах, готовая поспорить с ночью.

Теперь ее очередь. Найла открыла дверцу в животе Азура и взяла в руки его сердце.

Вдруг трянуло так, что койка подпрыгнула. Видимо, снаружи какой-то раздолбай не удержал лебедку, ставя на место колеса. Грозный окрик – и работа возобновилась в относительно спокойном ритме.

Пальцы девушки сжали сердце механокардионика.

Азур издал какой-то нечленораздельный звук. Закрыв глаза. Застонал снова.

– Л, – громко произнесла Найла.

– Лхх, – постарался повторить Азур.

– Ю.

– Юухх.

Она улыбнулась.

– Б.

– Бгх.

– О.

Азур прокаркал что-то совсем непохожее.

Найла убрала руки и закрыла окошко.

– Ты сказал «л-ю-б-о-в-ь». Точнее, я поняла тебя без слов. А теперь иди, мне нужно поспать хотя бы полчаса.

Азур поднялся и продолжил на металлоязе:

– В том, как ты трогаешь мое сердце, больше секса, чем когда мы трахаемся.

Она улыбнулась.

– А ты настоящий поэт. Еще немного сладких слов, и я влюблюсь в тебя по-настоящему.

– Не хочешь посмотреть на тень своего маленького корабля?

Бугорок, плавающий в груди, крошечная драгоценность из металла... Об этом тайном даре Азур знал все. Пару раз он, каким-то замысловатым образом установив зеркало, с помощью кварцевого кристалла и непонятных приборчиков умудрился показать Найле тень кораблика, спроецированную на переборку Сиракк.

– Не сейчас. У меня сил нет. – Девушка положила руку на живот. – И созданию тоже нужно отдохнуть.

– Хорошо. Передавай от меня привет Кое-кому. – Азур чмокнул ее и вышел из каюты.

В ночном небе сверкали две малиновые луны: первая – вдали, над горизонтом – была укутана в одеяло потрепанных облаков, а вторая, висевшая прямо над самой головой, походила на выдутый из стекла шар. Цималия и Дафне. Дочери-воительницы Старой Алидады, которую все называли Аметистой Луной.

Капитаны кораблей доверяли им больше, чем звездам, когда нужно было идти по курсу ночью.

Песок, залитый их светом, казался паприкой мельчайшего помола. Камни ущелья – пурпурными. Моря и большие лужи-болота – цвета венозной крови. А волшебнее всего луны подсвечивали ржавчину на корпусах кораблей, делая ее похожей на радужную плесень, грибы или рассыпавшийся пух.

Подвыпившие моряки называли их «гнилые луны». Или клубни неба.

Ясир слышал эти названия от высаживавшихся в Мехаратте матросов, и второе нравилось ему намного больше. Потому что каждый божий день всю свою недолгую жизнь ему приходилось, стоя на коленях, копаться в грязи, чтобы отыскать потерянную кем-то монетку, раздобыть еду или ночлег. И эта грязь въелась ему под ногти так же безвозвратно, как въедается в душу одиночество, отсутствие тепла и заботы близких.

Однако теперь он наконец-то кое-что нашел. Не в земле, а в этом неизведанном и опасном черном море шин. Нечто, блестящее на солнце, едва сгибавшееся и державшее руку с холодными шероховатыми пальцами у него на животе.

Он нашел друга, который рассказывал о гнилых лунах, летающих кораблях и сердцах – таких больших, что не помещались в груди.

Жестяной человек говорил много и быстро, все подробно объяснял, четко произносил каждое слово. Но Ясир ужасно устал, мысли путались.

По ночам на свалке кипела жизнь. Из убежищ вылезали ночные хищники. Их жертвы прятались или убегали. То и дело слышалось, как по крышкам шуршат змеи, хлопают крылья, скребутся чьи-то лапы и когти.

Ясира жалили насекомые – такие малюсенькие, что тонули в выступившей крови. Мальчик старался прибить мошкарку, чесал места укусов, но вскоре вся кожа зудела так, что он перестал понимать, где его ужалили давно, а где – только что. Механокардионик же все говорил и говорил – будто дамбу прорвало.

– Стой, подожди, я не понял, – несколько раз останавливал Ясир жестяного человека, когда не мог уловить смысл целых фраз.

Сверху на них смотрела луна Дафне густого кроваво-красного винного цвета.

Хлопнув в ладоши, мальчик раздавил какое-то насекомое, испачкав выпитой им кровью обе руки. Ясиру очень хотелось прилечь, но он боялся, что механокардионик обидится и больше ничего не расскажет. Глаза у него слипались, а голова все время падала на грудь.

Сколько они уже тут сидят?

Ясир широко открыл глаза и решил смотреть на луну, надеясь, что ее винный цвет и нескончаемый поток слов нового друга помешают ему заснуть.

И вдруг, как мешок картошки, свалился на шины лицом вниз...

3

Остров парусов

Перебравшись через горный хребет, он остановился, чтобы перевести дух. Открывавшийся пейзаж поражал воображение.

Ему придется спускаться по узкой крутой тропинке. А за спиной – груз, который раскачивается при каждом шаге: того и гляди, потеряешь равновесие и упадешь. Он крепко привязал механокардионика к себе – спина к спине, ремешками вокруг груди и бедер. Теперь его железный корпус был закреплен, а руки и ноги болтались, как старые поварешки.

Отравитель остановился и потрогал челюсть. От полученного удара у него была разорвана губа.

Закрыв глаза, он вернулся мыслями на борт Мизерабля...

Этот летающий корабль – кошмар любого капитана. Говорят, его логово находится высоко-высоко в горах, среди самых неприступных вершин Мира⁹. Говорят, оно защищено вечными снегами, льдом и туманами, окутывающими пики. Говорят, оттуда Мизерабль выбирается в окружении черных грозовых туч, только когда голоден. Выбирается на охоту, чтобы обрушиться всей своей сокрушительной силой на одинокий корабль в пустыне.

Так и есть.

Дхакритт мог поручиться за каждое слово, потому что сам побывал на борту Мизерабля. Однако корабль совсем не так неуязвим, как любят рассказывать. Как и любой другой, он остается заложником своей биомеханической природы – имеет свой характер и время от времени нуждается в ремонте.

Именно для починки корпуса и позвали Дхакритта – отравителя Гильдии, человека знающего и надежного, пусть и не с кристально чистой репутацией.

Чтобы попасть на борт, отравителю пришлось преодолеть сложнейший подъем между снежными вершинами. Но, оказавшись на месте, он встретил лишь раздраженного, изрядно помятого механокардионика, который, после того как работа была сделана, пришел в настоящее бешенство, услышав, что Дхакритт хочет получить плату за оказанные услуги. Даже грозился убить отравителя.

Это были не деловые переговоры заказчика и исполнителя, а обмен угрозами и неприкрытыми оскорблениями. В какой-то момент, когда спор длился уже с полчаса и дело дошло до рукоприкладства (хук в челюсть стал кульминацией потасовки), возникли опасения, что договориться будет невозможно.

Казалось бы, из-за чего так горячиться? Ведь Дхакритт просил всего лишь пустой, сильно помятый корпус механокардионика, прикованный цепями к главному котлу корабля.

Когда тянущаяся бесконечно ссора достигла высшей точки, оба вдруг поняли, что надо искать компромисс. Корабль починили, он снова мог летать, поэтому отравитель был вправе требовать вознаграждение за честно проделанную работу, за материалы, потраченное время и тяжелый путь к его логову.

– Так и быть, чертов змееныш, жестяной человек твой! – выпалил механокардионик, и они ударили по рукам. – И больше не путайся у меня под ногами, а то...

– Только скажи, у этого куска металла имя есть?

Пустые глаза механокардионика наполнились ненавистью.

– АзурМиз. Раньше его звали просто Азур, – он сделал паузу, сверкая бездонно-черными глазами. – Миз – от имени Мизерабль.

Отравитель очнулся от своих мыслей, огляделся по сторонам и увидел дерево на краю тропинки. Идеальное место для привала.

Сумка, где он обычно хранил яды и живые приманки, теперь была пуста. Потребовалось все ее содержимое, чтобы усыпить Мизерабль перед операцией.

В пожаре, случившемся на корабле, сгорела большая часть верхней палубы.

Дхакритт ввел наркотик и починил Мизерабль, а когда задумался об оплате – корпус механокардионика (тем более с летающего корабля!) показался ему единственной ценной вещью. Отравитель не ожидал, что слуга Мизерабля будет возражать, а ему придется самому тащить панцирь вниз по крутым извилистым дорожкам. Корабль не отличался гостеприимством и не собирался подвозить гостей до подножия горы.

На самом деле никакая сила не смогла бы помешать ему забрать себе этот увесистый металлический корпус. Увидев его, прикованного цепями к самому большому котлу на Мизерабле, отравитель сразу решил, что это знак свыше. Лучик света в его проклятой судьбе.

Некоторые капитаны использовали панцири механокардиоников как гальюнные фигуры, а кто-то даже набивал их фаршем из говядины, превращая в наживку для глубоководной рыбалки.

– Дилетанты! Ничтожества! Бесталанные людишки!

Вот он-то нашел помятому корпусу настоящее применение. Он сделает из него шкатулку для самого сильного и самого ценного сердца в Мире⁹.

Сердца капитана с огненными волосами – той женщины... Найлы!

Ему нужны не какие-то жалкие деньги, а гораздо, гораздо больше – вся пустыня, весь мир.

Отравитель вытащил руки из кожаных лямок и усадил механокардионика спиной к стволу дерева. Латунь надо бы хорошенько почистить: во многих местах она потемнела, а на животе у дверцы полости для сердец и вовсе виднелся ожог. Поначалу Дхакритт не сомневался, что провернул выгодную сделку, но сейчас уже не был в этом так уверен.

На лбу существа виднелась черная выжженная буква «М». Наверное, первая буква имени корабля, на котором механокардионик нес службу. Видимо, он очень серьезно провинился, раз был так жестоко наказан: его сердце заменили сердцем судна – огромным, поддерживающим жизнь Мизерабля. Превратив механокардионика и корабль в сиамских близнецов, обреченных судьбой делить одно сердце.

А ведь когда-то бедолага был человеком из плоти и крови!

Дхакритт не мог без содрогания смотреть на металлическое тело. По сути, попросив его в обмен на оказанные услуги, он вытащил механокардионика из ада. «Куда тот, – промелькнуло в голове отравителя, – совсем скоро может вернуться».

Но сначала в корпусе будет храниться сердце добычи – храниться до тех пор, пока он не завоюет весь мир.

Насколько было известно отравителю, металл способен помнить. Если для кораблей это утверждение было аксиомой, то применительно к механокардионикам – людям, уничтоженным Болезнью, – требовало доказательств.

А что, если вернуть его к жизни?

От этой мысли Дхакритт вздрогнул. С одной стороны, тогда ему не придется таскать эту тяжесть на себе. Но с другой... а вдруг новое сердце не поладит с корпусом?

– Нет! Ты только для Найлы, красавчик. Рисковать я не хочу!

Дхакритт слишком устал, чтобы рассуждать здраво. А до равнины еще идти и идти. Может, лучше устроить привал?

Он отполирует корпус до блеска и, предоставив фальшивые рекомендации, проникнет на борт Сиракк...

Найла отошла от перил, завязала волосы в узел и сделала конский хвост. Палуба дрожала, корабль хоть и шел медленно, но хромал не так сильно, как они ожидали.

Вдохнув утренний воздух, девушка почувствовала непривычный запах свежей ржавчины и смеси трав, щипавший ноздри. Ей сказали, что Сиракк уже несколько дней таким образом избавляется от бхета, выпуская его пары через металлические поры.

Окутанный туманом солнечный желток низко висел над горизонтом. Еще минут десять – и на солнце невозможно будет смотреть.

Сиракк пустилась в путь меньше часа назад, и многие моряки сразу же растянулись на палубах. Измученные работой, они соорудили из подручных материалов подобие коек и укрылись парусами, готовые проспать в тени весь день, а может, и не один.

Найла перешагнула через нескольких матросов и, держась за поручень, снова взглядела в пустыню. Стоило выйти из ущелья Ашавар, как панорама полностью изменилась: теперь каньон превратился в лабиринт дрейфующих остроносых скал, непонятно откуда свалившихся валунов да чахлах колючих кустарников. Между ними петляла присыпанная щебнем грунтовая дорога, проходя по которой колеса поднимали облако горьковатой пыли.

Палуба под ногами ходила ходуном. Каждая неровность почвы отдавалась в костях и зубах. Металл стонал, Сиракк хромала. На земле слишком много камней и слишком мало песка. Но скоро дорога станет лучше.

В эту редкую минуту затишья Найла подумала о хрупком существе, которое носила в утробе. В сорок три года она вдруг почувствовала непреодолимое желание стать матерью. Поначалу, занятая капитанскими обязанностями, Найла старалась противиться этому чувству и верила, что необходимость руководить экипажем и управлять кораблем вытеснит «отвлекающие мысли» и желание пройдет. Молодая мать за штурвалом – это же безумие! Женщине, имеющей мужскую профессию, и так приходится нелегко.

Но, несмотря на все доводы, она действительно всем сердцем хотела ребенка. Настолько, что была готова пожертвовать и званием, и карьерой. Найла очень любила Азура, но механокардионик биологически не смог бы стать отцом. Выбора не было – пришлось довериться Саргану.

Идея старому моряку не очень понравилась. Точнее, он просто впал в ярость и даже предложил, чтобы Найлу отымел кто-нибудь из экипажа. В темноте, в трюме.

Целую неделю Сарган молчал, бросая на Найлу недовольные взгляды, а потом передумал. Пожалел свою неукротимую, непокорную «падчерицу».

Из задумчивости Найлу вывел вышедший на палубу Азур, для которого находиться в закрытом помещении сейчас было немыслимо. От танцующего хода корабля больше всех страдал именно он. Хотя механокардионик старался этого не показывать, по всегда бесстрастному металлическому лицу можно было прочесть, что его тошнит.

– Как ты? – заметив это, спросила Найла.

Механокардионик сделал вид, что изучает горизонт. Вдруг так он сможет предугадать, когда тряхнет особенно сильно? За мгновение до очередного скачка Азур ухватился за поручень и успел самортизировать удар коленями.

– Это я должен спросить у вас обеих!

Найла скорчила гримасу.

– Имеешь в виду меня и ребенка в моем животе?

– Даю руку на отсечение, что это девочка!

Она улыбнулась.

– Мне тоже теперь так кажется. Достал бы ты свои кварцы да посмотрел еще раз.

– А имя ты уже придумала?

– Нет, конечно, у меня других дел по горло!

– Уж на это могла бы найти время.

– У тебя есть предложения?

– Пока нет. – Азур быстро поменял тему: – Если так пойдет и дальше, мы лишимся еще пары колес.

Найла повернулась и недовольно на него посмотрела.

– Спасибо, мой железный друг, твои предсказания с утра пораньше так вдохновляют! Может, ты будешь любезен хотя бы иногда не просто называть проблему, но и предлагать решение?

Теперь нахмурился Азур.

– Дай мне штурвал.

Найла от души рассмеялась.

– И это твой ответ? – Девушка закатила глаза. – Ты управлял кораблем только в открытом песке, Азур, где справился бы даже ребенок.

– Дело не в этом, сама знаешь. Мы с Сиракк сделаны из одного... теста. Тебе нужен не рулевой, а тот, кто говорит с кораблем на одном языке. Кто может объяснить ей куда и как лучше ступить.

– Только послушайте, обломок железяки решил прочитать очередную лекцию! – оборвала механокардионика Найла. – Ты всерьез считаешь, что, кроме тебя, с Сиракк на одном языке не говорит никто? Что только ты способен чувствовать любое ее настроение? Понимать, что ей нужно и чего она боится? – Найла вышла из себя, хотя и не сомневалась, что участие мужчины в воспитании подрастающего корабля может принести большую пользу, ведь и ребенку для гармоничного развития нужны оба родителя с их разным восприятием мира. – Я мать – и этим все сказано. Я способна понять... чертов корабль и поговорить с ним!

Азур закатил глаза.

– Я совсем не об этом.

– А о чем же? – В голосе Найлы послышались истерические нотки.

– Я не сомневаюсь в твоих талантах. Просто хочу встать за штурвал, пока мы не выберемся на ровный песок. После обеда ты или Сарган можете меня заменить.

Найла долго не отвечала. Это просьба или требование? Все-таки для нее он – загадка. Девушка постаралась успокоиться.

– Я не в восторге от того, как Сарган управляет кораблем.

– Капитан – ты, как скажешь, так и будет.

И тут раздался оглушительный взрыв, Сиракк наклонилась вперед, металл закрипел, корабль развернуло поперек дороги, и он заскользил вперед левым бортом. Неуправляемо.

– Тормози... Тормози! – закричала Найла, крепко вцепившись в поручень.

Грохнуло еще раз. Сиракк подлетела вверх, задрал нос. И рухнула обратно с жутким лязгом.

На палубу полетели камни и куски железа – большие, как ядра для катапульты.

В унисон завопили сирены.

От колес завоняло горелой резиной, из машинного отделения вдоль обоих бортов потянулся шлейф серого дыма.

– Мы встали! – раздался крик.

– Котел взорвался? – отозвался эхом второй моряк, голова и плечи которого были обмотаны обрывком паруса.

От бизань-мачты оторвало огромный кусок, который теперь болтался в воздухе на тонкой железной конструкции.

– Нет, налетели на камень!

Ясир разлепил глаза и поднял голову, прикрываясь рукой от ослепительного солнца. Шины уже успели раскалиться.

Огляделся. От жарыщи, начавшейся с самого утра, очаги в глубине свалки стали дымиться еще сильнее. Ад заканчивал подготовку к новому дню. Ясир обвел глазами пустыню покрывшей, повернулся к горе и увидел, что... механокардионик исчез.

Мальчик вскочил на ноги. Железного товарища и след простыл.

Сколько же он проспал? В любом случае механокардионик должен быть где-то поблизости. Хотя... вдруг он ушел еще ночью и теперь так далеко, что его уже не догонишь? Может, скрылся за хребтом или затерялся в лабиринте дюн на равнине. А если он просто куда-нибудь провалился?

Эта мысль успокоила Ясира. Ведь хватило бы пустяка – ямы или обвала – и кладбище шин забрало бы механокардионика назад и снова похоронило.

Надо залезть на гору. Оттуда все море мертвой резины как на ладони. Одна искра, один солнечный блик в этом океане смолы – и он увидит своего нового друга.

Не очень далеко внизу мальчик разглядел маленький качающийся силуэт, покрытый отблесками.

– Сердцеглот!

Ясир бросился за механокардиоником, догнал его и дернул за руку.

– Куда это ты собрался? – Он бежал меньше пяти минут, но успел обжечь и поцарапать ноги. – Вот так ты благодаришь меня за то, что я вытащил тебя из этого дерьма?!

Существо попыталось ударить Ясира, медленно протянув руку вперед.

Мальчик успел пригнуться. Кулак механокардионика его не задел, но Ясир потерял равновесие и бухнулся на покрывки.

Железный человек пошел дальше.

– Эй! – Мальчишка подобрал большую металлическую шайбу и, размахнувшись, швырнул ее в механокардионика.

Раздался глухой звук удара о полую железяку. Мальчик попал прямо в лопатку.

Существо наклонилось вперед и рухнуло на покрывки.

– Так тебе и надо! – Ясир вскочил на ноги, подбежал к механокардионику и прыгнул на корпус. – Сейчас посмотрим, кто здесь главный. – Где-то же должна быть тележка! – Мальчик нашел ее, вывалил все, что там было, и поставил рядом с металлическим человеком.

Тот не двигался. Лежал там, где упал.

Ясир поднял ему сначала одну руку, потом вторую. Перевернул на спину. Может, открыть окошко для сердец? Приложил ухо: внутри тихо – ненормально тихо, хотя там должны были бесноваться мышцы. Как в комнате, где слышно только тиканье часов и больше – ни одного звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.